

ДАНИИЛ МОРДОВЦЕВ

ЗАМУРОВАННАЯ
ЦАРИЦА. ИОСИФ В
СТРАНЕ ФАРАОНА
(СБОРНИК)

Египетские ночи

Даниил Мордовцев

**Замурованная царица. Иосиф
в стране фараона (сборник)**

«Public Domain»

1884

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

Мордовцев Д. Л.

Замурованная царица. Иосиф в стране фараона (сборник) /
Д. Л. Мордовцев — «Public Domain», 1884 — (Египетские ночи)

ISBN 5-486-03589-0

Творчество писателя и историка Даниила Лукича Мордовцева (1830—1905) обширно и разнообразно. Его многочисленные исторические сочинения, как художественные, так и документальные, всегда с большим интересом воспринимались современным читателем, неоднократно переиздавались и переводились на многие языки. В этом томе представлены два произведения Мордовцева, из жизни Древнего Египта. Роман «Замурованная царица» посвящен времени царствования Рамзеса III. Против фараона зреет заговор, который возглавляет его супруга — царица Тиа. «Иосиф в стране фараона» — повесть о странной, но счастливой судьбе юноши Иосифа, которого братья продали в рабство в Египет.

УДК 821.161.1
ББК 84(2Рос=Рус)

ISBN 5-486-03589-0

© Мордовцев Д. Л., 1884
© Public Domain, 1884

Содержание

Замурованная царица	6
I	6
II	10
III	14
IV	18
V	21
VI	24
VII	28
VIII	32
IX	35
X	41
XI	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Даниил Лукич Мордовцев
Замурованная царица
Иосиф в стране фараона

© ООО ТД «Издательство Мир книги», оформление, 2010

© ООО «РИЦ Литература», 2010

* * *

Замурованная царица

I

Венчание на царство фараона

В стовратных Фивах, в столице фараонов, торжество. Массы египтян всех возрастов и полов толпятся около гигантского, с причудливыми исполинскими колоннами и пилонами храма Амона-Горуса. Нил запружен лодками: это народ стремится с заречной, с правобережной стороны Фив переправиться на левобережную, чтобы видеть готовящееся торжество. В воздухе стоит невообразимый гул и говор. Только длинная и широкая аллея сфинксов, ведущая к храму, свободна от толпы, потому что ее оберегают от наплыва любопытных вооруженные длинными копьями мацаи – нечто вроде полицейских и сыщиков; гранитные великаны-сфинксы, протянув перед собою львиные лапы, безмолвно глядят своими гранитными очами в неведомое пространство. К людскому говору присоединяются звонкие крики орлов, стаи которых с Ливийских гор постоянно налетают к шумной столице фараонов и спиралями кружатся над нею в голубом, как бирюза, небе.

– Дедушка! – говорила маленькая, десяти или одиннадцатилетняя девочка с бронзовым личиком и курчавой головкой, указывая на резные изображения на пилонах храма. – Кого это бьет по головам вон тот страшный человек?

Девочка обращалась к старику, державшему ее за руку.

– Это, дитя, сам фараон поражает своих врагов, – отвечал старик, глядя курчавую головку девочки. – Видишь, слева: великий Амон подает ему боевую секиру.

– А что там, дедушка, написано? – любопытствует девочка.

– А то, дитя, начертаны слова самого бога. Амон-Горус говорит фараону: «Сын мой, происшедший из чресел моих, ты, которого я люблю, господин двух миров, Рамзес! Я привожу к тебе вождей южных стран с детьми их, сидящими на спинах их...»

– Да-да, дедушка, смотри, вон они на спинах, да все маленькие, – лепетала девочка.

– Такие же, как и ты, дитя, – улыбнулся старик.

– Зачем же бог Амон привел их к фараону?

– А вот зачем, дитя: бог говорит фараону: «Пощади жизнь тех, которых ты избереешь из среды их; убей из них столько, сколько найдешь нужным».

– Ах, дедушка! Слышишь музыку?

– Идут! Идут! – пронесся говор по аллее сфинксов.

Мацаи торопливо стали приводить народ в порядок, махая копьями.

В конце аллеи сфинксов, противоположном храму, показалась процессия.

Впереди шли ряды музыкантов и хоры певцов. Воздух огласился дикой музыкой барабанов, труб и флейт. Это был военный марш великого Рамзеса-Сезостриса, марш, под ужасную мелодию которого он покорил весь тогдашний мир, залив его реками крови. Музыка сменилась хорами. В этой новой мелодии было что-то еще более ужасное: в ней слышались и рыканье львов, и плач крокодилов Нила, и клекот орлов пустыни.

Так открывалась величественная процессия венчания на царство фараона Рамзеса III, или Рампсинита.

За музыкантами и хорами певчих выступали в богатых одеяниях, блестя золотом и пурпуром, родственники и приближенные фараона с верховными жрецами в полном облачении.

За ними высоко в воздухе покачивались с метрической плавностью носилки и трон самого фараона, предшествуемые старшим сыном Рамзеса, который возжигал перед царственным отцом благоухания земли Пунт.

Величественно напыщенная фигура Рамзеса хорошо видна была всей собравшейся толпе. Украшенный всеми знаками царского сана, он сидел на золотом троне, а голову его осеяли своими крыльями изображения Правосудия и Истины. Там же, у трона, находились золотые фигуры сфинкса и льва – эмблемы мудрости и мужества. Лев, казалось, грозно смотрел на толпу, охраняя трон монарха земли фараонов. Длинные, из красного и черного дерева носилки, украшенные золотом и драгоценными камнями, покоились на плечах двенадцати эрисов, или военачальников, головы которых были украшены страусовыми перьями. Носилки и трон окружали прелестные мальчики – дети из жреческой касты, которые несли скипетр фараона, футляр его лука, колчан со стрелами и другие знаки царского достоинства.

Но что особенно поражало зрителей – это громадный лев, который шел рядом с носилками, постоянно поднимая свою косматую голову вверх, чтобы взглянуть на Рамзеса. Это был его любимый, прирученный с детства лев – Смам-Хефту («раздиратель врагов»), которого вел на золотой цепи маленький внук верховного жреца Амона, смуглолицый мальчик лет двенадцати. Лев привык к своему маленькому вожатому, играл с ним и позволял даже ездить на себе верхом.

Вокруг всей этой группы – вокруг носилок с троном, фараоном, вокруг эрисов, жреческих детей и льва – кольцом обвивались сановники, которые своими блестящими опахалами навевали прохладу на своего повелителя, насколько мог дать прохлады знойный воздух тропиков при мертвой тишине, не колеблемой даже малейшим дуновением ветерка с Нила.

Вслед за носилками шли восемнадцать царевичей – детей Рамзеса (старший шел впереди носилок, куря благовониями земли Пунт). Они шли по два в ряд. У младших из них, еще не достигших возмужалости, от висков спускались на щеки черные как смоль «локоны юности» – признак принца царской крови.

За царевичами, тоже по два в ряд, выступали начальники войск, а затем уже колонны воинов с луками и колчанами за плечами.

Недалеко от храма, на площади, обведенной полукругом из сфинксов, процессия остановилась. Носилки были поставлены на землю, и Рамзес сошел с трона, поддерживаемый эрисами.

Площадь и толпы народу, казалось, дрогнули от испуга. Они увидели бога!..

Это был белый, как горный снег, молодой бык – Апис. Добродушная морда животного, кроткие, огромные, несколько выпученные глаза, бессмысленно глядевшие на блестящую процессию, – все это как-то не вязалось с понятием о грозном и всемогущем божестве. Но такова сила человеческой глупости: все – исключая жрецов, и то немногих, – верили, что это бог, Апис-Озирис. Все упали на колени: кто воздевал руки к божеству, кто распростерся ниц.

Впереди Аписа шел жрец, куря фимиами перед священным животным. Бык шел послушно: он знал, куда его ведут. Богу долго не давали есть, он проголодался, но хорошо знал, что если верховный жрец идет впереди с курильницей, то, значит, скоро богу дадут кушать. Вслед за Аписом двадцать два жреца несли на драгоценных носилках в форме паланкина саму статую божества, Амона-Горуса, из чистого медианитского золота, а другие жрецы богатыми опахалами и ветками олеандров в цвету навевали свежесть на это золотое божество.

Рамзес присоединился к этой священной процессии. Возложив на голову один венец – венец «нижней страны», он пошел вслед за Аписом. За ним понесли статую Амона-Горуса, окруженную жрецами, из которых один громко возглашал предписанные на этот случай молитвы, другие девятнадцать жрецов несли разные священные предметы, а еще семь выступали с небольшими золотыми изображениями предков и предшественников Рамзеса, которые

символически, в вещественных образах, принимали участие в торжестве своего дальнейшего потомка.

Миновав пилоны, священная процессия, с быком и фараоном во главе, вступила во внутренний двор храма, с одной стороны обставленный колоссальными колоннами, капители которых украшены были полураспустившимися лотосами, с другой – пятью массивными каменными пилястрами, к которым были прислонены такие же колоссальные статуи фараонов с атрибутами Озириса.

Но здесь процессия не остановилась. Она прошла этот двор и другие пилоны с изображениями побед Рамзеса и вступила во второй, еще более обширный двор, окруженный галереями с богатыми скульптурными изображениями и статуями царей.

Вступив на этот двор, Рамзес поднял голову. Глаза его остановились на западной галерее, и смуглое лицо фараона просветлело. Оттуда смотрели на него его дочери и жена, царица Тиа. Всех царевен было четырнадцать, из которых иные выглядели еще очень юными: их-то невинные личики и разгладили суровое чело грозного фараона.

Увидев Аписа, царица и царевны благоговейно преклонили колени.

Но вот фараон уже в храме, перед жертвенником Амона-Горуса. Его встречает первенствующий верховный жрец с амфорой помазания и елеем в одной руке и с двойным венцом в другой. Это венец верхней и нижней страны – Верхнего и Нижнего Египта.

Апис, стоящий рядом с фараоном, начинает изъяслять нетерпение, беспокойство. И причина понятна: проголодавшийся бог видит на жертвеннике сноп зеленой, сочной, с налитыми колосьями пшеницы и около снопа – золотой серп. Бык очень хорошо понимает, для чего все это приготовлено: его сейчас будут кормить этой прелестной пшеницей, и глупый, недогадливый бык, словно простой смертный деревенский бычок, протягивает к снопу свою добродушную морду. Но догадливый, хитрый жрец кадит у него под самой мордой благоуханиями, которых бык терпеть не может, – и он пятится назад от снопа. Ах, как надоели ему эти курения! Ничего не поделаешь – надо терпеть, а иначе есть не дадут. И наученный горьким опытом бог молчит и только тихим мычанием изъясляет свою волю на венчание Рамзеса III венцом обоих Египтов – от моря и Мемфиса до пределов «презренной страны» Куш (Эфиопия и Нубия). И первенствующий верховный жрец, совершив обряд помазания на царство, умастив голову фараона благовонным елеем, возлагает на него двойной венец.

А Апис все ждет... И когда все это кончится!.. Как противен для него запах этого елея! Как противен дым курений!.. То ли дело зеленая сочная пшеница – эти налитые молоком колосья!.. А надо ждать...

После этого венчанный царь совершает возлияние божеству, Амону-Горусу.

Тогда начинается обряд «четырёх птиц». Из внутренней части алтаря, из святилища, недоступного для смертных, выносят четыре золотые клетки со священными птицами – ибисом, кобчиком, вороном и орлом. Верховный жрец поочередно вынимает их из клетки и выпускает на все четыре стороны света – на север, на восток, на юг и на запад: эти птицы, посланники бога Озириса, должны поведать во все концы мира, что Рамзес III, следуя примеру Амона-Горуса, венчался символами его владычества над всею вселенною.

Апис все ждет, следя своими добрыми, изумленными глазами за полетом птиц... Зачем это они делают? А затем, чтобы потом дать ему вон те удивительные колосья... Он это хорошо понимал – он помнил, что то же самое проделывали с ним жрецы, когда несколько лет тому назад венчали на царство фараона Сетнахта-Миамуна... И тогда дали ему вот эти удивительные колосья... А куда же девался этот Сетнахт-Миамун?.. Бык ничего не понимал – и терпеливо ждал...

Наконец-то!.. Рамзес протягивает руку, берет золотой серп и срезает полную горсть пшеницы. Жрец с противным курением отступает в сторону, и Рамзес дает Апису порядочный

пучок колосьев... Ах, как вкусно!.. С каким наслаждением он жует эту прелесть и снова протягивает свою морду к снопу.

Тогда с верхней галереи сходят царица Тиа с царевнами, и начинается трогательная сцена: юные царственные египтянки обступают Аписа, и то благоговейно, с любовью гладят мягкую, шелковистую, чистую шерсть священного животного, то суют ему в рот колосья, а он их жует, и жует с наслаждением, поглядывая на девочек своими кроткими глазами.

В это время Амон-Горус, сопровождаемый половиной жрецов, удаляется в свое святилище¹.

¹ В изображении обряда венчания Рамзеса автор главным образом придерживался Шампольона и Мариетта-бея. – Д. М.

II

«Священная девочка»

Когда кончился таким образом обряд венчания на царство Рамзеса III, жрецы Аписа двинулись в обратный путь со своим богом, в храм Аписа-Тума, находившийся недалеко от Рамессеума великого Сезостриса. И на этот раз впереди священного быка шел жрец и на золотом блюде возжигал благовония.

При приближении Аписа к крайним пилонам храма Амона-Горуса, где была особенно многочисленна толпа зрителей, старик, который в предыдущей главе разъяснял своей маленькой внучке изображения и надписи на пилонах, явно обнаруживал знаки величайшего волнения. Он то прижимал руку к сердцу, как бы стараясь удержать его биение, то поднимал глаза к небу.

Теперь он при виде Аписа нагнулся к девочке, как бы затем, чтобы пригладить ее волосы.

– Так ты все помнишь, дитя? – спросил он шепотом.

– Все помню, дедушка, – отвечала девочка.

– Что же ты скажешь? – продолжал старик.

– Я скажу про себя: «Великий бог Апис-Тум! Освети мою невинную душу божественным лучом очей твоих: дай мне, чистому ребенку, твою силу для доброго дела», – пролепетала шепотом девочка.

– Хорошо, дитя... Только не забудь взглянуть ему в глаза.

– Не забуду.

Сказав это, девочка, гибкая и тоненькая, как пальмочка, выюном проскользнула вперед к самым мацаи, охранявшим порядок шествия. Старик лихорадочно следил за ее движениями. При виде бога толпа снова дрогнула, и кто упал на колени и протягивал руки к божеству, кто распростерся ниц. В этот момент девочка, юркнув мимо мацаи, очутилась как раз перед Аписом и упала на колени, скрестив руки. Черные глаза ее с боязнью уставились в изумленные глаза священного животного. Бык остановился на минуту. Мацаи было бросились к девочке, но жрец, возжигавший курения, остановил их.

– Не отгоняйте детей от лицезрения бога, – сказал он повелительно. – Сам великий Амон принимает невинных детей на свое лоно.

Бык уже нагнул было голову, чтобы бодаться, – ему одного маленького снопа было недостаточно, он был еще голоден, – как девочка уже юркнула в толпу.

– Она священная... Девочка священная теперь, – прошел шепот удивления по толпе.

Все старались взглянуть на нее, подойти ближе, заговорить. Она сама теперь чувствовала, что совершила что-то необыкновенное. Она это видела в глазах других, слышала это в шепоте удивления окружавших ее, замечала это в том благоговейном удивлении, с каким глядели на нее женщины. В ней заговорила бессознательная радость – гордость совершенного подвига. Она, казалось, преобразилась – выросла в один момент, возмужала. Хорошенькое смугленькое личико ее стало еще прелестнее.

Шествие между тем продолжалось. Апис уже подходил к колоссальным статуям фараона Аменхотепа III, которые до настоящего времени слывут ошибочно под именем колоссов Мемнона².

Фараон Аменхотеп III был царем Египта восемнадцатой династии, около 1680 лет до христианской эры. В Каире, в Булакском музее, можно доселе видеть статую строителя этих колоссов, надпись на которой, между прочим, говорит от лица этого строителя: «Возвысил

² Колоссы Мемнона – название, данное статуям Аменхотепа III античными историками, по имени сына богини Авроры, погибшего от руки Ахилла во время Троянской войны.

меня царь Аменхотеп III в звание верховного строителя. Я увековечил имя царя, и никто с древнейших времен не сравнялся со мною в работах моих. Для царя создана была гора песчаника – он есть наследник бога Тума (заходящего солнца). Я действовал на основании собственных вычислений, когда под моим руководством высекались из хорошего крепкого камня две статуи в этом великом здании (в храме Аменофиум). Оно подобно небу. Ни один царь не сделал ничего подобного со времени, когда солнечный бог Ра владел страной. Итак, я наблюдал за изваянием этих изображений – его, царя, изображений: они удивительны и по ширине и в высоту, по вертикальному направлению; фигура их в оконченном виде делала ворота храма низкими – сорок локтей мера их... Я приказал построить восемь кораблей. Статуи на них отвезены и поставлены в его великолепном здании. Они будут вечны, как небо»³.

И гениальный скульптор колоссов не ошибся: от стовратных Фив, от храма Аменофиума, от дворцов и храмов Рамзеса II Сезостриса и Рамзеса III Рампсинита, от всех богов Египта остались только обломки на месте Фив, обломки камней, мусор да колонны полуразбитые; имя фараона Аменхотепа III, чью личность изображали эти колоссы, давно забыто в истории; а колоссы все стоят в грозном величии вот уже почти четыре тысячи лет и будут еще стоять долго-долго на удивление последующим поколениям...

Старик и девочка между тем затерлись в толпе.

– Кто эта девочка? – спрашивали любопытствующие. – Чья она?

– Неизвестно... Слышали только, что старик назвал ее Хену.

– А кто этот старик? Отец ее или дедушка?

– Это знает только бог Хoremху всевидящий⁴: он освещал своими лучами ее детскую колыбель.

А тем временем те, о которых говорили в толпе, пробирались к берегу Нила, выше Мединет-Абу. В густых тростниках их ожидала небольшая лодочка, которую с трудом можно было отыскать. Но старик, по-видимому, хорошо знаком был с местностью. Он быстро отыскал лодку, привязанную к толстому стволу тростника, отвязал ее и взял лежавшие на дне ее весла.

Девочка с легкостью котенка вскочила в лодку.

– Дедушка, – сказала она, – дай мне одно весло, я буду грести.

– Хорошо, дитя, – с улыбкой отозвался старик. – Только ты не сумеешь.

Он оттолкнул лодку и сам в нее вскочил с легкостью юноши. Лодка вышла из тростников и направилась к другому берегу Нила. Девочка гребла усердно, стараясь брать в такт с дедом.

– Отчего же, дедушка, Апис – бог, а другие быки не боги? – спросила она, видимо находясь под впечатлением недавно испытанного.

– Оттого, дитя, что в Аписа вселилась душа Амона-Горуса, – отвечал старик.

– А как же узнать, в какого быка она вселилась?

– Это узнают только святые отцы, дитя... Когда прежний бог Апис, жития которого было двадцать шесть лет, два месяца и один день, отправился в прекрасную страну запада и был погребен в гробничном подземелье, на покое, при великом боге Озирисе, при Анубисе и при богине подземного мира на западе, в вечном доме своем, то нового бога Аписа долго искали по всему Египту и нашли только в низовьях Нила, и тогда верховный жрец торжественно при всем народе ввел его в храм Пта – отца богов.

– Дедушка! – прервала его рассказ девочка. – А когда ты был начальником стад фараона, в твоих стадах ни разу не появлялся бог Апис?

– Нет, дитя, появлялся, – отвечал старик с дрожью в голосе. – Последний Апис, который был перед этим, вырос в моих стадах и родился от моей коровы.

Девочка задумалась, усердно работая веслом.

³ «История фараонов» Бругша-бея. С. 393. – Д. М.

⁴ Хoremху всевидящий – это Хорус, или Горус, «в солнечном свете». – Д. М.

– А что теперь со мной будет, дедушка? – спросила она вдруг. – Он взглянул мне прямо в глаза... Я чуть не крикнула от страха.

– Тебе богов бояться нечего, ты невинное дитя, – сказал старик.

– Так что ж со мною будет, дедушка? – снова спросила девочка.

– Ты теперь стала священная, ты сподобилась великой милости бога, и теперь все, о чем ты попросишь у отца бога Аписа, у великого Пта, все исполнится.

– А когда я вырасту большая, тогда что со мною будет?

– Все для тебя будет достижимо, дитя, если ты не утратишь своей святости.

В это время лодка поравнялась с длинной песчаной отмелью, тянувшейся вдоль Нила до острова. На отмели виднелись какие-то черные колоды, в которых девочка, обитательница берегов Нила, тотчас узнала страшных владык водных пределов священной реки. Это были два огромных крокодила. Они лежали на отмели, разинув свои чудовищные пасти, а в них среди огромных, словно пилы, зубов безбоязненно возились какие-то маленькие птички: это были знаменитые трохилосы, о которых говорит Геродот. Маленькие птички эти – друзья крокодилов. Когда нильские чудовища выходят из реки на берег, большею частью на илстые и песчаные отмели, и отдыхают, раскрыв пасти для того, чтобы ветерок освежал их, то трохилосы забираются к ним в пасти и, ничего не боясь, отыскивают и поедают там разных паразитов, вроде пиявок и водяных жучков, которые беспокоят крокодилов. Чудовищам это нравится, и они щадят своих маленьких благодетелей, тем более что трохилосы криком своим пробуждают спящих крокодилов, предупреждая их об опасности.

– Смотри, дедушка, вон крокодилы спят, – сказала девочка, увидав чудовищ. – Вон и птички у них во рту бегают и не боятся.

– Чего же им, дитя, бояться? Они для крокодилов то же, что ты для меня – их утеха, – заметил старик.

– А говорят, крокодил тоже бог. Да, дедушка?

– Да, дитя, только у нас ему не ставят храмов. А в Нижнем Египте, в земле Таше, крокодилы имеют свои храмы: в крокодиле обитает божество Сет⁵, страшное, разрушительное божество.

– А недавно, вон у того берега, крокодил утащил одну девочку, я сама видела.

– Она, должно быть, близко подошла к берегу?

– Да, дедушка, она водила на водопой осла и стояла у самой воды, а крокодил как ударит ее хвостом – мы и не заметили, как он показался из воды – девочка упала в воду, он и утащил ее... А мы играли дальше от берега.

Но вот и берег. Тени от гигантских пальм, стоявших недалеко от Нила, ложившиеся утром длинными полосами поперек реки, теперь укоротились так, что, казалось, гигантские деревья потеряли способность бросать тень, и только зонтикообразные вершины их несколько оттеняли раскаленную землю у стволов исполинов африканской растительности.

В то время, когда старик и девочка выходили на восточный берег Нила, в западной части Фив, за Нилом, во дворце Рамзеса, в помещении, занимаемом старшим его сыном, принцем Пентауром, происходил таинственный разговор между этим царевичем и его матерью, царицей Тиа.

– Ты слышала, матушка, что он назавтра объявил поход против презренной страны Либу?⁶ – сказал Пентаур, сердито сжимая рукоять меча.

Это был египтянин с типичными чертами фараонов: широкий, низкий, как у льва, лоб, подвижность пантеры, стройность и подвижность членов этого животного, широкие ноздри и

⁵ Тифон. – Д. М.

⁶ Ливия. – Д. М.

мясистые, как у негра, губы обнаруживали пламенный темперамент. Пентауру было уже лет под тридцать.

– Да, – тихо отвечала его мать, женщина сорока пяти лет, смуглая, с продолговатыми, как у сфинкса, глазами, – я слышала, сын мой.

– И знаешь, кого он берет с собой в поход?

– Конечно, сын мой, тебя: ты его преемник.

– Нет! Он берет мальчишку Ментухи начальником конницы и колесниц, а Рамессу – начальником пехоты.

– Да, я знаю – это его любимцы, – тихо, как бы про себя проговорила Тиа, поправляя на голове золотой обруч с изображением змеяуреуса («царский змей»).

– А Меритума торжественно объявил великим жрецом Ра, бога солнца, в Уакоте⁷, а Хамуса – великим жрецом бога Пта-Сокара⁸ в Мемфисе, – продолжал Пентаур с еще большим раздражением.

– А тебя, сын мой, кем он назначает? – чуть слышно спросила царица.

– Меня – бабой! Я, как женщина, должен оставаться дома и принимать подати дуррой и полбой и ссыпать их в магазины. Так не быть же этому! Я велю Бокакамону принимать, а сам уйду охотиться на львов пустыни.

– Не волнуйся, сын мой, – все так же тихо заметила ему Тиа, – за нас с тобой, и в особенности за меня, за женщину, – великая богиня Сохет, мать богов! Мы еще посмотрим, сын мой, что скажет ее супруг, великий Пта, отец богов.

⁷ Гелиополис. – Д. М.

⁸ Озирис. – Д. М.

III

Начало заговора

Вечером этого же дня царица Тиа, возвратясь в отделение женских палат фараона, велела приближенной рабыне снять с нее некоторые украшения, обычные при торжественных выходах, и подать и надеть более легкие ткани.

Накинув на госпожу короткую без рукавов белую тунику из тонкого финикийского виссона, рабыня поправила ей прическу, обвила низкий лоб царицы золотым обручем со змеем-уреусом, надела на шею массивную золотую цепь со священными жуками и на руки драгоценные браслеты, когда в дверях показалась хорошенькая, завитая прядями головка с ясными глазами.

– А! Это ты Снат? – ласково сказала царица. – Нитокрис?

– Я, мама! Посмотри, что мне подарил великий жрец Амон-Мерибаст! Какая прелесть!

Это говорила молоденькая, тринадцатилетняя царевна, одна из четырнадцати дочерей Рамзеса III, хорошенькая Нитокрис, названная так в честь царицы Нитокрис, знаменитой красавицы «с розами на ланитах», которая царствовала за три тысячи лет до нашей эры и которой приписывают третью из больших пирамид на «поле мертвых» в Мемфисе⁹.

– Золотой кобчик, – сказала Тиа, рассматривая подарок великого жреца с ласковой улыбкой, – это добрый знак, дитя мое.

– Да, мама, от святого отца – все доброе, – серьезно сказала юная дочь фараона.

– Это правда, милая Нитокрис; но кобчик от служителя бога Амона – это знамение.

– Какое же, милая мама?

– А такое, плутовка, что ты скоро, подобно этому кобчику, улетишь от нас.

– Как, мама? Куда я улечу? – недоумевала хорошенькая Нитокрис.

– А разве ты не знаешь, какой удел предназначен всякой женщине матерью богов, великой Сохет, супругой Пта?

– Не знаю, мама.

– Быть сосудом на жертвеннике божества, дающего жизнь, творящего, созидającego.

Юная дочь фараона все еще не понимала намеков матери.

– Тебе уже тринадцать лет, – продолжала Тиа, – а я тринадцати лет была уже матерью Пентаура.

– Ах, мама! Я не хочу замуж! – вспыхнула Нитокрис.

Но в это время вошел евнух царицы и поклонился до земли.

– Ты что, Сагарт? – спросила Тиа.

– Господин женских палат Боакамон желает лицезреть твою ясность, – отвечал евнух.

– Пусть войдет Боакамон, – сказала царица.

Евнух почтительно удалился.

– Поди и ты к себе, милая Нитокрис, – сказала Тиа дочери. – Мне нужно поговорить с Боакамоном о делах дома нашего.

Нитокрис горячо поцеловала мать.

– А все-таки я не улечу от тебя, как не может улететь этот золотой кобчик, – сказала она, уходя из помещения царицы.

В это время вошел тот, о котором докладывал евнух. Это был мужчина лет шестидесяти, бодрый и прямой, как юноша, с седыми волосами и совсем черными бровями. На смуглой шее его была золотая цепь с тремя рубиновыми пчелами на ней, подарок предместника Рамзеса

⁹ Сооружение третьей пирамиды в Гизе ошибочно было приписано Нитокрис египетским историком Манефоном (2-я пол. IV–III вв. до н. э.). На самом деле она воздвигнута при Микерине (Менкаура).

III, фараона Сетнахта. Боакамон, так звали вошедшего вельможу, был начальником женских палат фараона, «недремлющим оком» царя, «стражем сада наслаждений» своего повелителя.

– Великая Сохет да хранит вечно красоту твоей ясности, рассыпая розы на твои ланиты, – высокопарно приветствовал свою госпожу Боакамон, подобострастно кланясь и прижимая черную жилистую руку к сердцу.

– Пусть Горус из светового круга вечно освещает твои прекрасные седины, – с той же напыщенной любезностью отвечала царица. – Сядь на место свое.

Боакамон сел напротив Ти и молчал из уважения к своей повелительнице. Жена фараона огляделась кругом.

– Ты знаешь, что объявлен поход против презренной страны Либу? – сказала она тихо.

– Знаю, царица: презренные либу под начальством царей своих, Цамара и Цаутмара – да поразит бог Монту дерзких своим огненным мечом! – наступают на границы Египта, и великий Рамзес – да хранит его великий Ра! – хочет поразить их своим гневом.

– А знаешь, кого он назначил военачальниками?

– Это ведомо, великая царица, на всех стогнах стовратных Фив.

– А Пентаур, мой первенец? Он оскорблен публично!.. Я оскорблена в его лице! – со страстным жестом прошептала Тиа. – И ты, мой верный Боакамон, я знаю, давно носишь скорпиона в своем сердце – ты оскорблен раньше меня: это ведомо не только Фивам, но всему Египту.

Как ни смугло было лицо Боакамона, но и оно заметно покрылось бледностью.

– Да, скорпион тут, в сердце, – прижал он руку к груди.

Тиа придвинула к нему ближе свое легкое, из красного дерева сиденье, окованное золотом, и положила руку на плечо Боакамона. От этого прикосновения он весь вздрогнул.

– Ты знаешь, я всегда была к тебе благосклонна, – чуть слышным шепотом начала Тиа, – но моя рука никогда не касалась твоего плеча... Теперь моя рука на тебе... Я знаю твое сердце... Твои глаза давно мне это сказали... Если ты поможешь мне в задуманном мною, тогда... ты положишь руки на мои плечи... Я...

Как ни был выдержан в притворстве этот старый царедворец фараонов, но и он растерялся от такой неожиданности. Он не знал, что делалось в сердце Ти. Он знал одно, что в ней оскорблена царица-мать. Но он не знал, что сердце женщины сложнее и неуловимее сердца мужчины. Если бы он мог теперь проникнуть в сердце Ти, то увидел бы, что вместо скорпиона там сидит и жалит больнее, чем сто скорпионов, хорошенькое личико с типом хеттеянки... Этот скорпион – Изе, ласкательное имя от Изида, юная дочь хеттеянского царя, семитка с дальнего Востока. Эта со светло-каштановыми волосами Изида, годная во внучки фараону, вытеснила Ти из его сердца. Он брал теперь ее с собою в поход – эту юную семитку – вместе с тремя старшими дочерьми (что тогда было в обычае¹⁰), а старшего сына оставлял в Фивах, словно слабую женщину. Она, Тиа, очень хорошо понимала, почему фараон не брал с собой Пентаура: эта светло-каштановая Изида чаще и охотнее засматривалась на сына, чем на отца.

Ни о чем этом не догадывался ошеломленный Боакамон. Он только чувствовал на своем плече горячую руку Ти, и у него закружилась голова... Эта Тиа, которую он видел каждый день как страж гарема Рамзеса, давно не давала ему спать. Ее красота была источником его тайных страданий... И вдруг эта гордая царица, это божество!.. Что она сказала!

Боакамон выпрямился.

– Великий Амон свидетель, – сказал он задыхающимся голосом, – если ты повелишь мне низвергнуть колоссальные изображения Аменхотепа – я найду в себе достаточно силы, чтобы опрокинуть их ниц к твоим стопам!

¹⁰ Доселе можно видеть изображения битв, где дочери фараонов на колесницах лично участвуют в битвах. – Д. М.

– Нет, милый Бокакамон, – с ласковой улыбкой прошептала жена фараона, – *он* легче изображений Аменхотепа – и мы с тобой опрокинем *его*... Ты знаешь Пенхи, бывшего смотрителя стад фараона?

– Знаю, царица.

– А слышал ты, что его внука, маленькая Хену, сегодня, во время священного шествия бога Аписа, удостоилась получить от него божественный огонь?

– Да, великая царица, мне говорили, что какая-то девочка остановила священное шествие бога и Апис принял ее просьбу. Так эта девочка – внука Пенхи?

– Его внука, Хену... А у Пенхи – ты сам знаешь – тоже скорпион в сердце.

– Я знаю это, царица; я знаю больше – у него крокодил в сердце.

Тиа взяла Бокакамона за руку и посадила на прежнее место.

– Слушай же, мой верный друг, – продолжала она шепотом, – страшная опасность грозит нам, всему Египту и нашим бессмертным богам. Ты знаешь хеттеянку Изиду, для которой отведено особое помещение во дворце?

– Знаю, царица: она, как и все женщины дворца фараона, в моем ведении.

– Знай же и следующее: она, этот светлоликий хамелеон, не верит в наших богов. Она поклоняется «единому солнечному диску». Мне достали ее молитву к этому богу – вот она.

Тиа нажала пружинку в ручке своего сиденья и из потайного ящика достала небольшой клочок папируса.

– Вот ее молитва, – сказала она, развернув папирус: – «Солнечный диск, о ты, живой бог! Нет другого, кроме тебя!» Понимаешь – нет другого!

– Понимаю, царица.

– Слушай же: «Лучами своими, – продолжала она читать, – ты делаешь здоровыми глаза, творец всех существ! Восходишь ли ты в восточном световом круге неба, чтобы изливать жизнь всему, что ты сотворил, – людям, четвероногим, птицам и всем родам пресмыкающихся на земле, где они живут, они смотрят на тебя: когда ты заходишь – они все засыпают»¹¹. Такова ее вера. Но это бы еще ничего. А вот что ужасно, вот где гибель для Египта и его богов: она, этот светлоликий хамелеон с дальнего Востока, склоняет к своей вере того, о ком мы говорим, не называя его по имени... Она – семя того народа, который страшен для Египта: этого народа не мог осилить даже великий Рамзес-Сезострис.

– Да, это потомки Иосифа, который когда-то правил Египтом, и того страшного Моше, который поразил Египет голодом, язвами и песьими мухами, – подтвердил Бокакамон. – Дело это серьезное: в нашей стране могут повториться времена проклятого фараона Хунатена¹², который променял истинных богов на этот «блеск солнечного диска». Что же мы должны предпринять, чтобы отвести бедствие от страны?

– Надо прибегнуть к помощи богов, – отвечала Тиа. – Спросим великую мать богов, ясноликую Сохет.

– Да будет так, – торжественно проговорил Бокакамон, – я завтра же переговорю с почтенным Ири, великим жрецом богини Сохет: пусть он спросит богиню, и ответ ее я тотчас доложу твоей ясности.

– О Хунатен, Хунатен! – проговорила как бы про себя Тиа. – Да сохраняют боги Египет от повторения времен Хунатена.

Хунатен был одним из фараонов восемнадцатой династии египетских царей. Он представлял собою необыкновенное явление во всей истории страны фараонов. Сын знаменитого фараона Аменхотепа III, колоссальные статуи которого, известные под именем колоссов Мемнона, до сих пор стоят на развалинах Фив как бы стражами развалин великого города и див-

¹¹ Эта молитва приводится у Бругша-бея («История фараонов». С. 411). – Д. М.

¹² Эхнатон.

ными реликвиями, как и пирамиды, великого народа, Хунатен является чем-то загадочным в истории Египта, каким-то сфинксом-фараоном. Историки думают объяснить это тем, что он родился от матери неегиптянки, которая исповедовала веру в «единого бога»: это был «единый световой бог». Мать Хунатена была не царской крови, даже не была дочерью кого-либо из родственников фараонов. По-видимому, она происходила от того народа, который вместе со своим вождем и пророком Моисеем оставил Египет при таких потрясающих событиях.

В доме этой-то чужеземной матери, говорит историк фараонов, молодой наследник Аменхотепа III, любимый отцом, хотя уже тогда ненавидимый жрецами, как плод незаконного брака, воспринял учение о «едином световом боге» и, проникнувшись этим учением в юности, сделался горячим его приверженцем, когда достиг возмужалости. Хунатен, сделавшись владыкой Египта, приказал на всех памятниках фараонов с помощью резца и молота истребить, изгладить, выбить совсем имена бога Амона и его супруги, богини Мут. Жрецы, а за ними и народ открыто восстали против царя-святотатца. Тогда Хунатен бросил столицу праотцев и основал новую резиденцию вдали от Фив и Мемфиса, на восточной стороне Нила, и назвал ее своим именем – «город Хунатен» (то же сделал впоследствии, почти через четыре тысячи лет, далеко от Египта, почти на крайнем севере, другой великий царь, бросив старую столицу с ее старыми жрецами и основав вдали от нее город своего имени). Скульпторы-художники, каменщики, простые рабочие были согнаны со всего Египта, чтобы с величайшей поспешностью строить новый храм по начертанному самим Хунатеном плану, храм, совершенно не похожий на древние египетские храмы. Сановники же – «носители опахала» и гордые жрецы – должны были надзирать за ломкою камня в горах и нагрузкою его на суда. Это ли не унижение, это ли не насмешка над вековыми преданиями Египта!

Вот имя этого-то Хунатена и стало страшилищем во все последующие века истории земли фараонов. Его-то и упомянула теперь Тиа, воскликнув: «О Хунатен, Хунатен!»

IV У богини Сохет

На другой день Рамзес III с отборным войском выступил в поход против царей Либу – против Цамара и Цаутмара. Похода этого давно ожидали в Фивах, и войска выступили по первому же слову нового фараона.

Рамзес выступил из своей столицы северными воротами, окруженный военачальниками. Рядом с ним на таких же золоченых, как и у отца, колесницах ехали его два сына и три дочери в военных доспехах. С ними же была и светло-каштановая хеттеянка Изида, облеченная в панцирь и шлем. Ручной лев – СмамХефту – выступал у левого колеса колесницы фараона. Дикая музыка труб и барабанов потрясала воздух.

Когда последние звуки боевой музыки смолкли в отдалении, у пилонов храма богини Сохет показалась знакомая нам стройная фигура Бокакамона.

– А! Сама богиня посылает мне навстречу своего служителя, – воскликнул он, увидев показавшегося в воротах храма жреца.

– А! – в свою очередь воскликнул старый тучный служитель богини Сохет. – «Страж сада наслаждений» фараона! Добро пожаловать – богиня ждет тебя. О себе пришел просить или о вверенных тебе сокровищах, которые и не похищая, можно похитить у их владыки? – спросил жрец с лукавой улыбкой.

– Не о себе, а о всей земле египетской, – отвечал Бокакамон.

Жрец сделал большие глаза. Плутоватое лицо его продолжало улыбаться.

– О всей египетской земле! – притворно удивился он. – Разве ты думаешь, что ее, как и твоих красавиц, не похищая, могут похитить презренные цари Цамар и Цаутмар?

– Нет, хуже того... Ее может похитить тот, кто ею владеет, – загадочно отвечал Бокакамон.

– Как! У себя самого похитить!

– Не у самого себя, а у других.

– Великая богиня Сохет, мать богов! – патетически воскликнул жрец. – Вразуми слугу твоего. Я ничего не понимаю: «то, чем я владею, я похищаю у себя». Не понимаю!

– Похитить у вас, – почти шепотом сказал Бокакамон.

– У нас! У жрецов богини Сохет?

– И у вас, и у богини Сохет, и у всех богов египетских.

– Как же это так? – развел руками жрец. – Мы поменялись ролями? Прежде боги нашими устами вещали смертным свою волю, а теперь оракул Амона и богини Сохет, кажется, переселился в храм тайных наслаждений фараона?

– Да, я пришел к тебе от царицы, – еще тише сказал Бокакамон.

– От которой? – с прежней иронией спросил жрец.

– У нас одна царица, – отвечал Бокакамон.

– И у нас одна, – по-прежнему загадочно говорил жрец, – только, может быть, у вашей не то имя, что у нашей.

– Имя нашей – царица Тиа.

– Гм... Послушай, друг Бокакамон, – жрец понизил голос, – у меня есть две пары сандалий; одна пара – вот эта, что ты видишь у меня на ногах; другая пара с протертыми подошвами валяется под моим ложем, в пыли, в забвении, и когда я говорю своему рабу: подай мои сандалии, раб подает мне вот эти... Понимаешь?..

– Понимаю, – начал догадываться Бокакамон.

– Так войдем лучше в мою келью, – сказал жрец, взяв Бокакамона за руку, – а то здесь неудобно говорить о сандалиях...

Они прошли во внутренний двор, где на гранитном пьедестале покоилось сидящее изображение богини Сохет – женщины с головой льва, украшенной солнечным диском. И жрец и Бокакамон преклонились перед статуей богини.

– Великая мать богов все мне поведала, – таинственно сказал жрец.

Они вошли в келью жреца. Это была обширная комната, в которую свет проникал сквозь отверстия в потолке, затянутые прозрачным, как стекло, сплавом из белого финикийского песка, в виде дани получаемого ежегодно от царей Цаги (часть прибрежной Финикии). На столиках из гранита и на пьедесталах стояли золотые и серебряные изображения богов, сковородки для курений в храме, жертвенные блюда и сistrы – род металлических трещоток, употреблявшихся при богослужениях.

– Я знаю больше, чем *та*, которая прислала тебя ко мне, – сказал жрец, усаживая своего гостя. – Великая богиня мне все открыла... Тот, кто хочет похитить у нас Египет, идет оттуда, с той стороны света, где встает Горус. Он забыл благодеяния Египта и его богов. Когда, по исходе из нашей священной земли, он сорок лет скитался в пустыне, оставленный нашими богами, то отчаяние заставило его вспомнить о них, вспомнить о священном Аписе. Но в их стадах Апис не появлялся – и тогда они сделали себе золотого Аписа и поклонялись ему. А теперь, вероятно, и его забыли – своего бога нашли, какого-то «единого».

Жрец говорил порывисто, страстно. Куда девалась его скептическая улыбка! Старое лицо оживилось, глаза блестели.

– Они называют себя единственным народом Божиим и забывают, как их поражали фараоны, – продолжал жрец. – А теперь они подослали нам красивого хамелеона, который ослепил очи *того*, кого я не хочу называть по имени. И этот хамелеон уже превратился в ихневмона, который хочет пожрать яйца великого нильского крокодила. Но великая Сохет не допустит этого, не допустит! Это говорит ее устами ее верховный жрец Ири!

Бокакамон был поражен. Он не ожидал такой страстности от ожиревшего жреца. В последние годы он видел Ири только при богослужениях и торжественных процессиях, когда лица жрецов бывают непроницаемы и бесстрастны, как лица сфинксов.

– Ты знаешь Пенхи, бывшего смотрителя стад фараона? – спросил он, когда жрец умолк.

– Я ли не знаю его! – с прежней страстностью воскликнул Ири. – А ты знаешь его внучку, маленькую Хену?

– Слышал о ней... Говорят, что она удостоилась получить из очей великого бога Аписа божественный огонь?

– Да, получила, – отвечал жрец. – Но этого мало.

– Как мало, святой отец! – удивился Бокакамон.

– Это еще не все, что нужно для дела... Что нам нужно?

– Спасти Египет от врага.

– А кто его враг?

– Ты сам знаешь, святой отец, – уклончиво отвечал старый царедворец. – Имени *его* я не назову.

– Имя его – нильский крокодил, живущий на суше, я уже называл *его*.

– Так что нам нужно, чтобы... сделать *его* зубы безвредными?

– Нам нужна та девочка – Хену.

– Но она наша: у ее деда Пенхи и у Бокакамона – одно сердце, и в том сердце сидит скорпион.

– Крокодил! – поправил его жрец.

Бокакамон вздрогнул. Неужели этот страшный служитель Сохет слышал его разговор с царицей Тиа? Или эту тайну сообщила ему сама богиня? Ведь вчера Бокакамон прямо сказал жене фараона, что у Пенхи в сердце крокодил.

Хитрый жрец заметил смущение своего собеседника.

- Не бойся, – сказал он, – крокодил и у меня в сердце... Я сказал не все: божественная девочка вооружена огнем очей Аписа; но это не все.
- Чего же ей недостает? – спросил Бокакамон.
- Апис дал ей свое творческое семя, но не дал поля, где посеять это семя, чтобы оно дало плод, – загадочно отвечал жрец.
- Кто же может дать это поле?
- Великая богиня Сохет: она, которая родила всех богов, даст это поле, даст сосуд для оплодотворения семени бога Аписа. Ты знаешь, где живет Пенхи? – спросил жрец.
- Знаю, святой отец: на восточном берегу Нила, за верхней группой пальм Амона.
- Пришли его ко мне, но только не теперь.
- Когда же, святой отец?
- Когда золотые рога месяца обратятся от запада к востоку.
- Теперь, по ночам, на небе стоит полная темь, – как бы соображая что-то, проговорил Бокакамон. – Дней через семь?
- Он сам это сообразит: Пенхи – человек сведущий в небесных кругах.
- Что же мне теперь сказать пославшей меня? – спросил Бокакамон.
- А то, что я тебе сказал от имени богини Сохет.
- Хвала ее жрецу, великому Ири! – сказал Бокакамон.
- Да, – как бы спохватился жрец, – не забудь, Пенхи должен прийти с божественной, священной девочкой.

V Победа

Прошло семь дней.

В стовратных Фивах снова то же оживление, какое было в день венчания на царство Рамзеса III. Народ снова толпился у храма Амона-Горуса. Музыка играла торжественный марш. Из храма показалось несомое жрецами изображение божества. Впереди шел верховный жрец Амон-Мерибаст, держа в руках свиток папируса.

По знаку жреца музыка стихла. Тогда Амон-Мерибаст показал народу папирус.

– Смотрите! – громко провозгласил он. – Вот слово великого фараона: он извещает свой народ о дарованной ему богом Монту¹³ победе над презренными царями земли Либу.

Радостные крики огласили воздух:

– Слава великому богу Монту! Слава пресветлому Амону-Горусу!

Верховный жрец снова поднял над головой папирус.

– Слушайте, сыны земли фараонов! – громко сказал он и развернул свиток.

Водворилась тишина. Слышен был только клекот орлов в синем небе.

Верховный жрец читал: «В месяц епифи, в девятый день, в первый год царствования царя Рамзеса Третьего, выступил фараон с войском в презренную землю Либу, против презренных царей Цамара и Цаутмара. Хорошая охрана над фараоном находилась в стане на высоте к югу от города Тхамху злого. Вышел фараон из своей палатки, как только взошло солнце, и возложил на себя военный убор отца своего, бога Монту. С ним были и сыновья его, принцы Рамессу и Ментухи, и дочери его, принцессы Нофрура, Ташера и Аида. Взошед на воинские колесницы, они пошли далее вниз и прибыли к югу от города Тхамху злого. И встретились фараону два презренных либу и говорили фараону так: мы братья и принадлежим к старшинам племени своего либу, которое находится под властью царей Цамара и Цаутмара; мы хотим быть слугами дому фараонову, дабы могли отделиться от царей Цамара и Цаутмара. Теперь сидят они к северу от города Тхамху злого, ибо они боятся фараона. Так говорили два презренных либу; но слова, которые они говорили фараону, были гнусной ложью: презренные цари Цамар и Цаутмар подослали их, чтобы выведать, где находится фараон, дабы не приготовило им войско фараоново засады. Ибо презренные цари Цамар и Цаутмар пришли со всеми царями всех народов, с конями и всадниками, которые и стояли в засаде сзади города Тхамху злого. И фараон не уразумел смысла их ложных слов и поверил им. И пошел фараон далее вниз и пришел в местность, лежащую на северо-запад от Тхамху злого, где и предался отдохновению на золотом ложе. Тогда прибыли соглядатаи фараона и привели с собой двух лазутчиков царей Цамара и Цаутмара. Когда их привели пред очи фараона, он сказал им: кто вы такие? Они сказали: мы принадлежали царям Цамару и Цаутмару, которые послали нас, чтобы выследить, где находится фараон. Говорит им фараон: где пребывают презренные цари Цамар и Цаутмар? Ибо я слышал, что они находятся к северу от города Тхамху злого. Они говорят: смотри – презренные цари Цамар и Цаутмар стоят тут, и много народу с ними, который они привели с собою в великом количестве из всех стран, что лежат во владениях презренных царей Цамара и Цаутмара. У них много всадников и коней, которые везут воинские снаряды, и их более, чем песку морского. Смотри – они стоят там в засаде, позади города Тхамху злого. Тогда приказал фараон призвать пред себя князей своих, чтобы они слышали все слова, которые скажут два лазутчика презренной земли Либу, находившиеся налицо. И говорит им фараон: взирайте на мудрость князей дома фараонова! Каждый день они говорили фараону: презренные цари

¹³ Бог войны. – Д. М.

Цамар и Цаутмар бежали от лица фараона, как только услышали, что идет на них фараон с войском. Теперь слушайте, что я узнал сейчас от этих двух лазутчиков. Презренные цари Цамар и Цаутмар прибыли со многими народами, с конями и всадниками, многочисленными, как песок пустыни. Они стоят там, за городом Тхамху злым. Значит, ничего не знали наместники и князья, которые правят землями дома фараонов. Им надлежало сказать: те, которых ты ищешь, пришли. Тогда говорили князья, бывшие пред фараоном, так: «Велика вина, которую совершили наместники и князья дома фараонова, что не распорядились выведать, где находились презренные цари Цамар и Цаутмар, чтобы каждый день докладывать о том фараону». И когда они говорили это, показались несметные полчища презренных царей Цамара и Цаутмара с конями и всадниками. И когда увидел их фараон, то пришел в великую ярость и сделался подобен отцу своему, богу Монту. Он возложил на себя воинский убор, все свои воинские доспехи и явился как бог Ваал. И вступил он на колесницу свою и ускорил быстрый бег свой рядом со львом своим Смам-Хефту, который радостно ревел, потрясая гривой. И вместе с фараоном ринулись на врагов сыны его и дочери его на своих колесницах, в воинских доспехах своих. Фараон бросился в середину неприятельских полчищ и поражал и убивал их. Ибо радость его есть принять битву и наслаждение его – броситься в нее. Удовольствие его сердцу доставляют только потоки крови, когда он срубает головы неприятелям. Минута битвы с мужами любезнее ему, чем день наслаждения с женщинами. Он разом убивал их и никого не щадил между ними. Все они плавали в крови своей. А в то время презренные цари Цамар и Цаутмар стояли, полные страха; мужество покинуло их. Они бежали скорым бегством и оставили свои сандалии, свои луки, свои колчаны впопыхах позади себя и все, что при них было. Они, в теле которых не было трусости и тело которых оживлялось мужественным духом, они бежали, как женщины. Тогда взяли воины фараона все, что оставили презренные цари Цамар и Цаутмар, – их деньги, их серебро, их золото, их железную утварь, уборы их жен, их седалища, их луки, их оружие и все, что было у них. Все это принесено было к палатке фараона вместе с пленными. Многое множество погибло презренных либу и их союзников».

При последнем слове верховный жрец поднял глаза к небу. Из этой необычайно яркосиней бездны глядел на него сам Амон-Ра – знойное африканское солнце. Оно обливало своим невыносимо жгучим светом нестройную толпу, собравшуюся у храма верховного бога, гигантские гранитные колонны других храмов, целый лес колонн, целые аллеи молчаливых сфинксов, стройные иглы обелисков, исполинские статуи фараонов, группы таких же исполинских пальм, тихие мутные воды Нила, а там, дальше – Ливийские скалы с гробницами прежних фараонов... Величавая картина, как величаво все прошлое Египта – этой заколдованной страны!

Амон-Мерибаст, видимо, проникся той же мыслью. Со священным волнением он глядел и на этот лес колонн, и на аллеи задумчивых полногрудых женщин-львов, и на возносившиеся к небу, к самому Амон-Ра, обелиски... Папирус в руке его дрожал.

Народ молча ждал, что будет дальше. Все то ужасное и отвратительное, что было ему прочитано верховным жрецом, – эти потоки крови, отрезанные руки – не смущали его; напротив, радовали национальную гордость... Ведь это было еще тогда, когда не было даже Рима, когда еще не влачили по земле труп Патрокла, когда жива была Гекуба, когда еще Гектор не прощался с Андромахой и Троя стояла во всей красе своей... Чего же было тогда требовать от народа!

Амон-Мерибаст видел это по лицам слушателей: они ждали еще чего-то. И он не обманул их ожидания. Он снова перенес свой взор на папирус.

«А это трофеи победы великого фараона над презренной страной Либу и ее презренными союзниками, – продолжал читать верховный жрец. – Живых пленных – 9364. Жен презренных царей Цамара и Цаутмара, которых они привели с собой, живых женщин – 12. Юношей – 152. Мальчиков – 131. Жен воинов – 342. Девиц – 65. Девочек – 151. Другая добыча: оружия, находившегося в руках или отнятого у пленных, – медных мечей – 9111, других мечей и кинжалов

– 120 214. Парных колесниц, возивших презренных царей Цамара и Цаутмара, их детей и братьев, – 113. Серебряных кружек для питья, мечей, медной брони, кинжалов, колчанов, луков, копий и другой утвари – 3173 штуки. Все это отдано в награду воинам фараона. Затем огонь был пущен на лагерь презренных царей, на все их кожаные шатры и на все их выюки».

Жрец кончил и, обратясь к изображению божества, поднял руки.

– Слава светоносному Амону-Горусу! – воскликнул он. – Слава великому богу Монту, даровавшему победу своему сыну, фараону!

– Слава великому Амону-Горусу! – подхватил народ. – Слава Монту!

Казалось, заговорили колоннады храмов, гигантские пилоны, гордые обелиски. Только сфинксы глядели молчаливо и загадочно своими гранитными очами.

Поддерживаемое жрецами изображение божества скрылось за колоннами храма.

– Где же богиня Сохет? – спросила знакомая нам «священная девочка» Хену своего деда, по-видимому не разлучавшегося со своей маленькой внучкой.

– Ее здесь нет, дитя, она в своем храме, – отвечал старик.

– Когда же мы к ней пойдем?

– Когда Горус скроется за горами Либу, в пустыне, а за ним будут наблюдать с неба два рога нарождающейся луны.

– А кто эта луна, дедушка? Божество?

– Божество, дитя.

– Ах, дедушка! Сколько он убил людей!

– Кто убил, дитя? – спросил старик, видимо занятый своими мыслями.

– Да фараон, дедушка, что вот читал жрец.

– Много, дитя, всего двенадцать тысяч пятьсот тридцать пять человек¹⁴.

– А я сегодня ночью, дедушка, слышала плач крокодила. О чем он плачет? – продолжала болтать невинная девочка, не подозревая в себе «божественности». – Кого ему жаль?

– Он не плачет, дитя, он обманывает.

– Кого, дедушка?

– Доверчивых людей и животных, он заманивает их к реке: крокодиловы слезы опасны.

По Нилу скользили лодки то к восточному берегу, то обратно. Вдали виднелись паруса, чуть-чуть надуваемые северным ветром: то шли суда от Мемфиса, от Цоан-Таниса, любимой столицы Рамзеса-Сезостриса.

На набережной кипело оживление. Пленные из страны Либу и Куш, черные, как их безлунные ночи, выгружали на берег глыбы гранита и извести. Несмотря на ужасающий зной, они пели заунывные песни своей родины.

Пенхи на набережной зашел в лавку, где продавались восковые свечи и воск. Там он купил несколько мна¹⁵ воску.

– На что тебе воск, дедушка? – спросила Хену.

– Узнаешь после, дитя, – отвечал старик. – Ты же мне и помогать будешь в работе.

– Ах, как я рада! – болтала девочка. – Что же мы будем делать?

– Куколки... Только ты об этих куколках никому не говори, дитя, понимаешь?

– Понимаю, дедушка, – отвечала Хену, гордая сознанием, что ей доверят какую-то тайну.

¹⁴ *Бруги-бей*. История фараонов. С. 566. – Д. М.

¹⁵ Фунт? – Д. М.

VI

Воск от свечи богини

Наступил, наконец, ожидаемый вечер. Солнце, безжалостно накалявшее в течение дня и гранитные колонны храмов, и головы молчаливых сфинксов, и глиняные хижины бедняков, нижним краем своего огненного диска коснулось обожженного темени высшей точки Ливийского хребта, когда в воздухе пронесся резкий крик орла, спешившего в родные горы, и вывел из задумчивости старого Пенхи.

– Пора, дитя мое, – сказал он внучке. – Скоро на небе покажется то, чего мы ждем.

Они пошли по направлению к гигантским статуям Аменхотепа, которые отбросили от себя еще более гигантские тени до самого Нила и далее. Скоро солнце выбросило из-за гор последний багровый свет в виде рассеянного снопа лучей, и над Фивами легла вечерняя мгла. В то же мгновение на небе, над Ливийскими горами, блеснул золотой серп нарождающегося месяца. Он так отчетливо вырезался над бледнеющим закатом, что, казалось, висел в воздухе над самыми горами пустынной Ливии. В воздухе зареяли летучие мыши.

Улицы и площади города, за несколько минут до этого столь шумные, быстро начали пустеть, потому что около тропиков ночь наступала почти моментально, и движение по неосвещенному городу являлось более чем неудобным.

Но вот и пилоны храма богини Сохет.

– Где начало вечности? – спросил чей-то голос наших спутников.

– Там, где ее конец, – отвечал Пенхи.

Это был условленный пароль. От одного из пилонов отделилась темная фигура.

– Следуйте за мной – богиня ждет, – сказал тот, кто стоял у пилона.

– Верховный жрец богини, святой отец Ири, – пробормотал Пенхи в смущении.

– Я его младший сын и посланец.

Все трое вошли во внутренний двор храма. Хену испуганно схватила старика за руку.

– Богиня глядит, – прошептала она.

Действительно, из мрака тропической ночи выступала, отливая фосфорическим синеватым светом, львиная голова странного божества. Голова в самом деле глядела живыми львиными глазами.

Пенхи невольно упал на колени: он еще никогда не видел ночью богиню Сохет.

Пенхи суеверно молился страшному божеству. Хену стояла с ним рядом и дрожала.

– Божество милостиво: только чистому существу оно открывает свой светлый лик, – сказал тот, который называл себя младшим сыном верховного жреца Ири. – Встань, непорочное дитя, иди за мною.

– Я с дедушкой, – робко проговорила Хену.

– Конечно, с дедушкой. Идите, верховный отец наш ждет Пенхи и его внучку Хену.

Все трое пошли направо, где находилось помещение верховного жреца. Оно было ярко освещено массивными восковыми свечами в высоких канделябрах. На небольшом бронзовом треножнике курилось легкое благовоние.

Верховный жрец встретил пришедших ласково.

– Какое прелестное дитя! – сказал он, подходя к Хену. – Как тебя зовут, маленькая красавица? – ласково спросил он, глядя курчавую головку девочки.

– Хену, – отвечала она, нисколько не сробев: старый толстяк показался ей таким добродушным дедушкой.

– А сколько тебе лет?

– Двенадцатый, а потом пойдет тринадцатый.

– Ого, как торопится расти, – рассмеялся жрец, – это пока до семнадцати лет, а там начнет расти назад и убавлять свои года. А есть у тебя мать?

– Нет, мама умерла: она там, в «городе мертвых», – печально отвечала Хену.

– А отец?

Девочка молчала; за нее ответил дед.

– Он давно в плену, святой отец, его взяли финикияне в морской битве при устьях Нила, у Присописа, и продали в рабство в Троиду.

– В Троиду! О, далеко это, далеко, на далеком севере, – проговорил старый жрец. – Я знаю их город Трою; я был там давно с поручениями от великого фараона Сетнахта, и царь Приам принял меня милостиво. Я там долго пробыл и старика Анхиза знал, и Гекубу... А теперь, слышно, Трою разрушили кекропиды из-за какой-то женщины. О, женщины, женщины!¹⁶

Старик разболтался было, но скоро опомнился: ведь он верховный жрец, и притом божества-женщины...

– Бедный Приам! – сказал он как бы про себя. – Сын мой, – обратился он к младшему жрецу, приведшему к нему Пенхи с внучкой, – поди приготовь святилище богини.

Младший жрец вышел. Ири также удалился в соседнюю комнату, чтобы надеть на себя священную цепь и мантию.

Хену, оставшись одна с дедом, с жадным любопытством и боязнью осматривала помещение верховного жреца. Изображения божеств внушали ей суеверный страх, зато опахала из страусовых перьев, украшенные золотом и драгоценными камнями, приводили ее в восторг.

Скоро появился и Ири в полном облачении. В руке он держал блестящий бронзовый систр, который при сотрясении издавал музыкальный звук, весьма похожий на треск цикад.

– Дитя мое, – обратился Ири к Хену, смотревшей на него большими изумленными глазами, – ты смотрела в священные очи бога Аписа?

Девочка не знала, что сказать, боясь ответить невольно. Она посмотрела на деда.

– Отвечай же, дитя, – сказал старик. – Тогда, во время священного шествия бога Аписа, ты упала перед ним на колени и видела его глаза?

– Видела.

– А что чувствовала ты, когда бог взглянул на тебя?

– Я испугалась.

– Это священный трепет – в нее вошла божественная сила, – пояснил верховный жрец. – А теперь идем.

Ири взял длинный посох с золотой головкой кобчика наверху, и они вышли на двор. В темноте снова выступила голова льва, освещенная как бы изнутри фосфорическим огнем.

– Богиня благосклонно открывает тебе свое божественное лицо, – сказал жрец Хену, снова оробевшей.

Преклонив колени перед статуей матери богов, они прошли дальше и вошли в самое святилище. И там было изображение Сохет рядом с изображением Пта. От жертвенника синеватой струйкой подымался дым курения; толстые, как колонны, восковые свечи в огромных подсвечниках освещали жилище богини.

Верховный жрец, преклонившись перед божеством и опираясь на посох, правой рукой сделал движение в воздухе, потрясая систром. Раздались тихие музыкальные звуки, словно бы они исходили из огромной бронзовой головы матери богов. Голова невнятно, глухо проговорила несколько слов, которые жрец повторял за нею:

– Пта, Сохет, Монту, Озирис, Горус, Апис...

¹⁶ Рамзес III был современником осады и разрушения греками Трои (около 1200 лет до Р. Х.). – Д. М.

За жертвенником послышался странный звук, точно шипение змеи. И действительно, из-за жертвенника выползала большая серая змея. Увидев жреца, она свилась спиралью, и только плоская голова ее дрожала и вытягивалась, выпуская черное раздвоенное жало-язык.

Жрец стукнул посохом, и змея поползла к Ири, к его посоху. Он еще стукнул, и пресмыкающееся, коснувшись головой посоха, обвилось вокруг него и стало спиралью подниматься вверх, к руке жреца.

– Священный уреус благоволит принять жертву из рук чистого существа, – проговорил Ири, потрясая систром.

Тогда из-за завесы, скрывавшей дверь позади жертвенника, вышел младший жрец. Он держал в руке какую-то маленькую птичку.

– Хену, чистое дитя, возьми жертву, – сказал Ири, обращаясь к девочке, которая, казалось, застыла в изумлении и ужасе.

Младший жрец передал ей птичку, которая даже не билась в руках. Змея, держась спиралью на посохе, повернула голову к птичке. Глаза пресмыкающегося сверкали.

– Дитя, отдай жертву священному уреусу, – сказал Ири.

Девочка не двигалась – она не спускала глаз со змеи.

– Пенхи, сын мой, подведи девочку, – сказал жрец старику.

Тот повиновался и подвел девочку к посоху, к самой змее. Змея потянулась к птичке.

– Пусть отдаст, – сказал жрец.

Рука Хену автоматически потянулась вперед, и змея моментально схватила птичку.

– О дедушка! Страшно! Она глотает птичку! – вся дрожа, проговорила девочка, цепляясь за старика.

– Жертва принята, – торжественно произнес верховный жрец, вставая.

Змея быстро соскользнула с посоха и уползла за жертвенник. Тогда Ири подошел к Хену и, желая ободрить ее, стал гладить и целовать ее голову.

– Испугалась, девочка? Ничего, ничего, крошка, теперь все кончилось, – говорил он нежно.

Услышав, что все страшное кончилось, Хену несколько ободрилась.

– Теперь птичка умерла? – спросила она.

– Нет, дитя, она переселилась в божество. Ты некогда была такой же птичкой, и вот теперь боги превратили тебя в хорошенькую девочку.

– Так и меня змея съела? – спросила Хену, совсем ободрившаяся. – Кто ж меня ей отдал?

– Точно такая же, как ты, чистая девочка, – лукаво улыбнулся жрец. – А теперь подойди к этой свече, что пониже.

Хену подошла. Свеча, толстая, как ствол молоденькой пальмы, горела выше головы Хену.

– Можешь ее задуть? – спросил Ири, положив руку на плечо девочки.

– Могу, – отвечала последняя.

– Так да погаснет свеча жизни тех, чьи имена мы носим в сердце, – торжественно сказал верховный жрец. – Дуй же, дуй сильнее.

У Хену были сильные, молодые легкие. Она собралась с духом, дунула, и массивное пламя свечи моментально погасло; одна светильня зачала.

– Да свершится воля божества! – торжественно проговорил жрец. – Как чадит эта светильня, так пусть чадит постыдная память тех, чьи имена мы носим в сердце. Сын мой, подай священный серп, – обратился он к младшему жрецу.

Тот взял с жертвенника золотой серп и подал Ири. Святой отец, взяв серп, отпилил верхнюю часть загашенной свечи, длиной вершка в три, и подал Пенхи.

– Возьми этот священный воск, – сказал он, – и сделай из него то, что повелено тебе свыше: Пта, Сохет, Монту, Озириса, Горуса и Аписа. Ты слышал повеление божества?

– Слышал, святой отец, – отвечал Пенхи.

– Ты их изображения знаешь?

– Знаю, святой отец.

– Хорошо. А из простого воска сделай изображения тех, чьи имена мы носим в сердце.

– Будет все исполнено, святой отец.

– Помни, что она, – жрец указал на Хену, – должна во всем помогать тебе: пусть она месит воск своими руками, согревает его своим дыханием, но только не тот, не простой воск, а этот, священный. И делай так, чтобы Амон-Ра не видел твоей работы, чтобы солнечный луч не достигал туда, где ты будешь формировать фигуры, и чтобы, кроме Хену, никто этого не видел, – запомни: никто! Это величайшая тайна божества.

Ири взял потом Хену за руку и подвел к южным дверям святилища, где в большой глиняной кадке она увидела лотос с распустившимся цветком.

– Сорви этот цветок священного лотоса и укрась им свою голову.

Девочка не заставила долго ждать: она искусно отделила цветок от стебля и ловкими пальчиками, на что девочки большие мастерицы, вдела пышный цветок в свои черные густые волосы.

– Идет мне? – весело спросила она.

– Очень идет, – улыбнулся старый жрец.

Молодой месяц давно зашел за темные вершины Ливийского хребта, когда Пенхи и Хену вышли из ворот храма Сохет. На небе высыпали мириады звезд, яркость и красота которых особенно поразительны в тропических странах.

В воздухе веяло прохладой. Во мраке ночи огромные колонны храмов и аллеи сфинксов казались чем-то фантастическим. Редко кто попадался на опустевших улицах и площадях сонного города.

Проходя мимо колоссальных статуй Аменхотепа, Хену боязливо жалась к деду.

– Они, кажется, дышат, – шепотом проговорила девочка.

– Я не слышу, дитя, – отвечал Пенхи.

– А как же, дедушка, говорят, что утром, при восходе солнца, они тихо плачут.

– Да, я сам слышал, – подтвердил старик.

– О чем же плачут они?

– Кто это может знать, дитя! Может быть, они не плачут, а жалобно приветствуют бога Горуса, просят, чтобы он возвратил им жизнь.

Когда наши путники переезжали через Нил, им послышался в тростниках тихий плач, словно детский.

– Опять плачет крокодил, слышишь, дедушка?

Плач умолк, и только слышен был шорох в тростниках Нила.

VII

Троянский пленник

Утро следующего дня застает нас в Нижнем Египте, у Мемфиса, на поле пирамид.

От Мемфиса по направлению к большим пирамидам шли два путника: один – старик в обыкновенной одежде египтянина из жреческой касты, другой своим фригийским колпаком и некоторыми особенностями в одеянии скорее напоминал северного жителя из Фригии или Трои. Последнему было лет под пятьдесят или несколько меньше.

– Так ты говоришь, около десяти лет не был в Египте? – спросил старший путник.

– Да, почти девять, – отвечал младший.

– Где же это ты мыкался?

– В неволе был, добрый человек.

– У презренных шазу¹⁷ или в наане?

– Нет, я все время провел в неволе в Трое.

– В Трое! Слышал я об этой стране много любопытного – богатый город Троя!

– Да, был когда-то; а теперь от Трои остались только камни да груды пепла. Жаль мне этого города; я в нем помирился было и с неволей.

– Кто же его разрушил? – спросил заинтересованный старик.

– Данаиды, которых называют также и кекропидами и эллинами. И все вышло из-за пустяка – из-за женщины. Видишь ли, сын троянского царя, по имени Парис, сманил у одного эллинского царя жену, по имени Елена, женщину большой красоты. Эллина и вступились за честь своего царя, приплыли к Трое на кораблях и осадили город. Почти все время, что я пробыл в Трое, длилась осада. И небольшой, правду сказать, был город – не то, что наши Фивы или Мемфис, – маленький городок, а много выплакал слез! Я жил при дворе самого царя Приама, так всего довелось видеть и слышать.

– Боги, надо полагать, отвратили лицо свое от несчастного города, – заметил старик.

– Ясное дело, что боги покинули их, – подтвердил его собеседник. – Да у них и боги свои, не наши всесильные боги: вместо Амона-Ра и Пта у них Зевс и Гефест, вместо бога Монту у них Арес.

– А великая Сохет, мать богов? – спросил старик.

– Юнона у них, Вакх еще, Нептун, Гелиос, Афродита, Хронос – много богов...

– Много богов, да помощи мало, – глубокомысленно заметил старик. – Наши боги не то, что их, – Египет победить некому. Разве можно разрушить такие твердыни! – Он указал на пирамиды, которые высились у них перед глазами какими-то грозными гигантами. – Тысячи лет стоят, а простоят еще миллионы.

В голосе старого египтянина звучало гордое сознание своего величия – величия народа, его богов, его титанических построек.

– Есть что-нибудь подобное этому в мире? – Он указал на исполинскую голову «великого сфинкса», которая вместе с плечами и грудью, шириной в несколько сажен, выступала из засыпавших ее песков пустыни. – А наши храмы, наши сфинксы! Пока земля стоит на своих основах, пока наши боги будут бодрствовать за нас, – будут и они стоять на своих местах в великой земле фараонов! Они перестоят весь мир!

Бедный энтузиаст не подозревал, что пройдут тысячелетия и весь мир, именно *весь мир* растащит, расхитит его гордость – его памятники, гробы, мумии царей и жрецов, всех богов Египта, его сфинксов, его обелиски, колонны, свитки папирусов, священные сестры, жертвен-

¹⁷ Кочующие бедуины. – Д. М.

ники, доски с иероглифами, с гимнами, вырезанными на стенах храмов – все это весь мир растащит, безбожно разграбит, не оставит камня на камне – и поставит у себя на площадях (обелиски), в музеях, в кабинетах, и в каждой столице мира, в каждом более или менее значительном городе будут открыты «египетские музеи», где праздные бродяги с гидами и каталогами в руках будут равнодушно проходить мимо этих священных реликвий удивительной страны, мимо этих немых свидетелей глубочайшей древности человечества, свидетелей его гордой, померкшей славы, его радостей, страданий, слез... А что останется нерасхищенным, то засыпят пески пустыни... И уцелеют, как укор богам, на которых возлагалось столько надежд, как укор человечеству, ничего не щадящему, – уцелеют одни пирамиды, да и то памятники не египетского народа, не его гения, а памятники народа еврейского, вечного, несокрушимого народа, как несокрушимы и вечны пирамиды¹⁸.

– Да, наши боги не то, что жалкие боги какой-нибудь Трои или Финикии! – продолжал энтузиаст. – А с нашими пирамидами своей древностью может поспорить разве одна земля да это бесконечное голубое небо! – Он поднял к нему руки. – О светоносный Горус! О Амон-Ра, отец богов!

Старик упал на колени и восторженно молился. Это успокоило его волнение.

– Так нет больше Трои? – спросил он, продолжая путь.

– Нет... Одни груды камней да пепел, разносимый ветром... Бедная Кассандра, бедная Гекуба! Как тени они проходят предо мною... Это прекрасное тело Гектора, голова которого колотится о камни... Бедная Андромаха... Я все это, кажется, вижу теперь...

– А как же ты уцелел? – спросил старик.

– Я ушел вместе с сыном царя дарданов Анхиза, с Энеем... Ушло от общей гибели несколько сот троянцев, и море спасло их. Я был вместе с ними. Долго носились мы по морю, пока боги не сжалились над нами: я увидел берега родной Африки.

– К Египту привели вас наши боги? – спросил снова старик.

– Нет, далеко туда на запад, где великий Ра опускается на покой. Мы пристали к чужому городу – название его Карфаго. Там царствовала тогда добрая царица – Дидона... Бедная!

– А что? Чем бедная?

– Ее уж нет на свете.

– Умерла? Отошла на вечный покой?

– Нет, хуже того – она сожгла себя на костре.

– Живою сожгла себя?

– Живою – и такая еще молодая, прекрасная.

– Это оскорбление божества! – воскликнул старик. – Где же теперь ее душа?

– Она не могла пережить своего несчастья: она полюбила Энея, она отдавала ему свое царство, а он покинул ее, хотя и любил.

– Зачем же покинул, когда ему, бездомному скитальцу, отдавали целое царство?

– Он не мог послушаться своих богов.

– Своих богов? – со старческой запальчивостью воскликнул египтянин. – А что сделали его боги с его Троей? Несчастный, неразумный человек – верит своим богам!

– Да, он продолжает верить. Боги внушили ему, что он должен основать там где-то, далеко на западе, сильное царство, которое покорит весь мир.

– Как весь мир! – вскипел снова старик. – А Египет, а наши боги?

– И Египет он будто бы покорит и отомстит эллинам, которые разрушили его Трою.

¹⁸ Многие ученые держатся того мнения, что пирамиды построены не египтянами, не по повелению фараонов-египтян, а народом-пастухом, народом, который владел Египтом до Иосифа. Прототип пирамид – Вавилонская башня. – Д. М.

– Это кощунство! Это наглая ложь! Его боги – презренные лгуны! Они такие же, как боги необрезанных, презренных сынов Либу. И ты ему не сказал прямо в глаза, что он несчастный безумец?

– Нет, я только тайно ушел от него, когда он отплывал в Уат-Ур¹⁹.

– И хорошо сделал, сын мой... Безумец! Он смеет надеяться, что когда-нибудь Египет будет побежден кем-либо! Никогда! Пока стоят вот эти пирамиды на земле, а по небу ходит вот этот великий Амон-Ра и светоносный Горус – царство фараонов не исчезнет, как исчезла его Троя.

Пирамида Хуфу, или Хеопса, оставалась уже несколько вправо, блестя на солнце своей гладкой гранитной облицовкой. Против них уже высилась пирамида Хефрена, а ближе к ним – чудовищная голова сфинкса Хормаху («Горус в сиянии»). Путники шли прямо на сфинкса. Скоро показались его полузасыпанные песком лапы и грудь с прислоненной к ней гранитной доской, тоже полужанесенной песками пустыни.

– Безжалостная пустыня! Она даже великого Хормаху не щадит, засыпает своими песками, – сказал старик, подходя к сфинксу и падая перед ним на колени. – И доску засыпает со священной надписью фараона Тутмеса Четвертого.

И младший путник упал на колени.

– О великий, жизнь дарующий Хормаху! – сказал он с благоговением. – Тебе я молился в плену, в далекой Трое, и ты услышал мою молитву, сподобил меня снова увидеть родную страну и питающий ее многоводный Нил. Я прежде никогда не видел твоего светоносного образа, а теперь я сподобился лицезреть тебя, великий Хормаху!

Старик также молился.

– А что это за надпись? – спросил тот, что был в плену у троянцев, когда старик кончил свою молитву. – Тут упоминается имя фараона Тутмеса Четвертого.

– Да, это его начертание. Вот уже два с половиной века, как сделано это начертание, а оно совсем не выветрилось, только песок засыпает его.

– «Однажды, – читал младший путник, – занимался царь метанием копий, для своего удовольствия, на земле мемфитского округа, по направлению сего округа к северу и югу, стреляя в цель медными стрелами и охотясь за львами в долине газелей. Поехал он туда на своей двуконной колеснице, и кони его были быстрее ветра. С ним было двое, сопровождавшие его. Ни один человек не знал их. Настал час, когда он давал отдых своим слугам. Он сам воспользовался этим временем, чтобы принести на высоте богу Хормаху, близ храма Сокара, в “городе мертвых”²⁰, и богине Ранну жертвоприношение, состоящее из цветочных семян, и чтобы помолиться великой матери Изиде, госпоже северной стены и госпоже южной стены, и богине Сохет Ксоитской и богу Сету. Ибо великое очарование лежит на этой местности от начала времен даже до местности владетелей Вавилона, вдоль по священной дороге богов до западного светового круга Он-Гелиополиса, ибо образ сфинкса есть изображение Хебра, весьма великого бога, живущего на этом месте, величайшего из всех духов, существа более всех почитаемого, которое покоится на этой местности. К нему жители Мемфиса и всех городов, стоящих на местности, ему принадлежащей, воздымают руки, чтобы молиться пред лицом его и приносить богатые жертвенные дары. В один из этих дней случилось, что сон одолел царским сыном Тутмесом...»

– Значит, он тогда еще был только наследником, – заметил старик.

– Вероятно.

– Ну, читай дальше; а я это начертание знаю наизусть: я жрец бога Хормаху.

Младший путник продолжал читать:

¹⁹ «Великие зеленые воды», как называли египтяне Средиземное море. – Д. М.

²⁰ Некрополис. – Д. М.

– «...когда он, после своего странствования, прибыл во время полудня и лег, чтобы отдохнуть в тени великого бога. В самую ту минуту, когда солнце стояло в высшей точке своей, он увидел сон, и ему представилось, как будто этот прекрасный бог говорил собственными устами своими, как говорит отец сыну своему, и сказал он: “Взгляни на меня, смотри на меня, сын мой, Тутмес. Я есть отец твой Хормаху, Хепра, Ра, Тум²¹. Тебе дано будет египетское царство, и ты будешь носить белый венец и красный венец на седалище бога земли Себа, младшего из богов. Твой будет мир в длине своей и в ширине своей, везде, где освещает его блестящий глаз господина всего мира. Полнота и богатство будут у тебя – лучшее земли сей и богатые дани всех народов. Дадутся тебе долгие годы для времени жизни твоей. Лицо мое милостиво к тебе, и сердце мое принадлежит тебе: дам я тебе наилучшее...»

Старый жрец не вытерпел.

– Вот какие наши боги! – воскликнул он. – Они не лгут, это не боги Трои. О великий, прекрасный бог Хормаху! А читай дальше, что бог сказал Тутмесу.

Собеседник его читал:

– «Засыпан я песком страны, на которой я пребываю. Обещай мне, что ты сделаешь то, что я желаю в моем сердце, тогда я познаю, что ты сын мой, помощник мой. Подойди, да будем мы с тобою в единении». После сего проснулся Тутмес и повторил все эти слова и уразумел смысл слов сего бога и оставил их в сердце, говоря сам себе: «Я вижу, как жители города чествуют храм этого бога жертвоприношениями, не думая освободить от песка произведение царя Хафра²², то изображение, которое сделано было богу Тум-Хормаху»²³.

Чтец остановился – дальше доска была засыпана песком.

– Вот! – сказал жрец. – Пока я был в Фивах, опять занесло, и никто не позаботился откопать заносимое песком божество. Я нарочно за тем и пришел сюда теперь, чтобы посмотреть, все ли в порядке. Да, и надо велеть снова откопать.

Путники уселись в тени сфинкса. Перед ними, к востоку, высились башни и храмы Мемфиса. Кое-где виднелись группы пальм, меж стволов которых просвечивали воды Нила. Вправо и влево – большие и малые пирамиды, пирамиды жен и дочерей фараонов. За ними – бесчисленные ряды гробниц, постоянно заносимых западными песчаными волнами.

– Куда же вы теперь, сын мой? – спросил жрец бога Хормаху. – В Фивы?

– В Фивы, святой отец.

– Что ж, есть там у тебя кто-нибудь? Родные?

– Были и родные, была и семья – отец, жена и дочка по третьему году, да не знаю – живы ли.

²¹ *Хормаху* – солнце полудня, *Хепра* – полуночи, *Ра* – востока, *Тум* – солнце запада. – Д. М.

²² Хефрен. – Д. М.

²³ Эта надпись, переведенная только в 1877 г., доказывает, что «великий сфинкс», высеченный из скалы при фараоне Хефрене в 3666 г. до Р. Х., при Тутмесе IV, в 1533 г., был уже занесен песком до половины. Я же видел его в 1881 г. занесенным песком до самых плеч. – Д. М.

VIII

«Прежде ослепить льва...»

В это время из-за пирамиды Хефрена показались две парные колесницы. Они, по-видимому, возвращались из пустыни, из Долины газелей. На каждой колеснице было по два воина. Они прямо направлялись к «великому сфинксу». По одежде можно было заметить, что там были и не воины.

– Это, должно быть, охотники, – сказал, заметив их, старый жрец. – Там много газелей, и эти воины по примеру покойного царя Тутмеса – да веселится он вечно в жилище отца своего, бога Хормаху! – вероятно, охотились на этих невинных животных.

Колесницы все приближались. Жрец оттенил рукою глаза, чтобы всмотреться в лица незнакомцев.

– Да это, если глаза меня не обманывают, мои приятели, ближайшие слуги дома царицы, Пилока и ливиец Инини, – сказал жрец.

– Как! Пилока и Инини, уроженец Либу? – обрадовался путник, который был в рабстве у троянского царя Приама. – Я их когда-то хорошо знал.

Колесницы приблизились совсем.

– А! Да это святой отец Имери в гостях у своего бога, – сказал один из подъехавших, что был не в одеянии воина, а в остроконечной шапке с длинными воскрыльями и без панциря.

Это был чернокожий ливиец Инини. Тип другого, не воина тоже, был чисто египетский. Воины в шишаках и кожаных панцирях с медными круглыми бляхами тоже изобличали египтян. Остановив лошадей, все четверо сошли с колесниц. Воины остались при конях, а Пилока и Инини подошли к жрецу и его спутнику.

– Вот счастливая встреча, – сказал Пилока, худой и загорелый египтянин лет тридцати пяти. – Недаром нам бог Хормаху помогал и на охоте.

– А что? – спросил жрец.

– Да мы убили отличного, громадного льва и несколько газелей, – отвечал Пилока, пристально, хотя как будто украдкой, всматриваясь в незнакомца во фригийском колпаке.

– Ты не узнаешь меня, Пилока, и ты, Инини? – сказал этот последний.

– Адирома! – воскликнули оба в один голос. – Откуда ты? Из царства мертвых! О боги!

– Да, – улыбнулся тот, кого называли Адирома. – Истинно из царства мертвых.

– Но ведь говорили, что ты утонул в битве при Просописе, вместе с кораблем и всеми воинами, – сказал Пилока.

– Да, сначала погрузился в море, а потом вынырнул, совсем обессиленный; меня подхватили финикияне на свой корабль, – отвечал Адирома.

– А вот я так не узнал тебя, – обратился жрец к Адироме, – стар становлюсь.

– А я сам боялся признаться тебе, святой отец, хотя и узнал сразу, – сказал Адирома, – думал, что я так изменился на чужбине и в рабстве, что меня и родные мои не признают за своего.

Начались расспросы: где он был, что это за Троя такая, далеко ли за великим морем Уат-Ур, какова была его жизнь в рабстве, похожи ли тамошние цари на египетских, какие там боги и храмы, как пала Троя, кто были ее герои и как спасся он сам? На все это ответил им Адирома, хотя сам не успел да и боялся задать им вопрос – единственный вопрос, который труднее всего сходил с уст. Но он подошел к нему окольным путем.

– А что в Фивах? – спросил он наконец.

– В Фивах, сын мой, новый фараон, Рамзес Третий, – отвечал жрец.

– Я это слышал в Мемфисе, – сказал Адирома. – А что там мои – жена, дочь, отец? – спросил он нерешительно.

– Отец твой, благодарение богам, здравствует: бодрый старик; а из дочки твоей вышла славная вострушка, любимица богов.

– О великий Хормаху! – с благодарной мольбой поднял Адирома глаза на сфинкса. – А жена?

– Мудрые боги взяли ее в свои обители, их на то воля была, – отвечал жрец, поднимая глаза к небу. – Решения их – тайна для смертных. Когда в Фивы дошла весть, что ваш корабль погиб при Просописе и все воины с ним, тогда, сын мой, жена твоя, убитая горем, поболела душою с год, а потом отошла в область бога Озириса, на запад, за великую реку, и погребена в своем вечном жилище.

Адирома закрыл лицо руками.

– Не скорби, сын мой, не нам судить веления богов, – сказал жрец наставительно, – она была оплакана в продолжение семидесяти дней плача по закону наших богов.

Зная, что утешения для Адиромы были бы теперь бесполезны, Пилока и Инини старались свести разговор на другую почву. Они велели своим воинам-возницам приблизиться.

– Полюбуйтесь нашей добычей, – сказал Пилока.

На одной колеснице лежал, прикрепленный к ней ремнями, огромной величины мертвый лев; на другой – несколько газелей.

– Как вы могли осилить такое чудовище? – удивился жрец, подходя и осматривая льва.

– Мы молились богу Монту, и он помог нам, – отвечал добродушно Инини.

– Бог Монту и опытность нашего друга Инини совершили это чудо, – сказал Пилока. – Вот этими медными стрелами, – он снял с плеч колчан и положил на колесницу, где лежал лук, – нечего и думать сразу положить на месте этого фараона пустыни, – он указал на льва, – а не сразил его одним ударом, тогда сам прощайся с жизнью – прямо отправляйся к Озирису. Вот Инини и говорит: чтобы победить сильнейшего врага, надо его прежде ослепить – так у нас, говорит, в Ливии и Нубии, в стране Куш, побеждают крокодилов и бегемотов, – ослепим, говорит, и мы льва. И вот, помолившись богу Монту, мы приступили к делу. Мы раньше разведали, что лев каждое утро ходит на водопой к великому озеру Таше²⁴ по одной и той же тропе, через прибрежные высокие тростники. Тогда, оставив колесницы и коней с возничими у дальней пирамиды Менкаура²⁵, мы взяли с собой одну убитую газель и пошли с нею в тростники, окружающие с той стороны великое озеро. Достигнув тропы льва, мы положили на самой тропе газель так, как будто бы она спала, а сами, впереди нее, ближе к озеру, засели в тростнике, я – по правую сторону тропы, а друг Инини – по левую, и условились так: известно, что лев при восходе солнца всегда приветствует восхождение бога Ра громким рыканьем; услышав этот рев, мы догадались, что лев идет, и сказали друг другу: он будет идти по этой тропе и, увидав нечаянно спящую газель, удивится и остановится, чтобы приготовиться к прыжку; он будет пристально глядеть на нее; тогда по знаку, по легкому свисту, мы разом должны спустить натянутые тетивы, и наши стрелы должны вонзиться ему в глаза: моя – в правый глаз, его – в левый. Мы так и сделали. По шороху и треску тростника мы догадались, что лев приближается. Скоро мы увидели его, и он моментально остановился, увидев впереди себя, не далее как на один прыжок, спящую газель. Глаза его сверкнули зеленым огнем, он пригнулся, чтобы сделать прыжок... Свист – и стрелы вонзились ему в оба глаза! Надо было слышать его рев, его стон, надо было видеть его страшный прыжок вверх! Он упал навзничь и стал лапами выбивать стрелы из глаз... В этот момент мы разом метнули в него свои тяжелые медные копья – и они угодили ему под левую лопатку, рядом, копьё к копыю, – и прямо в сердце... Лев задрожал весь и в судорожных конвульсиях вытянулся. Он был мертв, он был наш!

Адирома тоже подошел к мертвому льву.

²⁴ Меридово озеро. – Д. М.

²⁵ Микерин. – Д. М.

– Так это его рев я слышал сегодня на заре, – сказал он задумчиво.

– Вероятно, его, – отвечал Инини. – Но какая величина! Знаешь, друг, что мы сделаем с этим львом? – обратился он к Пилоке.

– А что?

– Мы его шкуру подарим нашей доброй царице, госпоже Тиа.

– Правда, мысль хорошая: пусть она топчет своими ногами шкуру фараона...

Он не договорил и лукаво взглянул на жреца.

– Да, шкуру фараона... пустыни, – добавил Имери тоже не без лукавства. – Так прежде надо ослепить врага? – многозначительно взглянул он на Инини.

– Ослепить... а потом в сердце, – отвечал тот.

– Но прежде надо газель убить, – добавил Пилока.

– Да, да... и положить ее на тропе к водопою, – согласился Инини.

– Ну, газель нелегко убить, – заметил старый жрец.

– Нет, отчего же? Нам нетрудно... пробраться в стадо газелей, – загадочно проговорил Пилока, обменявшись с Инини мимолетным взглядом.

– Да, правда, на то мы записные охотники, – согласился последний.

Адирома не понимал, о каком «враге» идет речь и что это за «газель», которую следует убить. Ясно, что они говорили намеками, и все трое понимали друг друга. Очевидно, у них была какая-то тайна, и, вероятно, серьезная, если в нее, по-видимому, посвящена такая почтенная личность, как старый жрец бога Хормаху. Да и Пилока и Инини занимали очень солидные места в государственной иерархии Египта: первый был советником и секретарем казнохранилища фараонов, а последний – советником царского двора. Вероятно, что-нибудь затевается при дворе – что-то похожее на заговор. Неужели против Рамзеса? Недаром они говорили о льве как о «фараоне пустыни». Не он ли «враг»? Только кто же его противник? И кто эта «газель»? Адирома так долго находился в отсутствии, что для него совершенно неизвестно было настоящее политическое состояние Египта. Очевидно, в стране образовались партии, и одна партия что-то замышляет против Рамзеса.

Адирома, однако, не высказал своих подозрений, тем более что при нем говорили намеками, загадками, не посвящая его в свою тайну, хотя для заговорщиков и говорили слишком откровенно. Без сомнения, они не боялись Адирому или уверены были, что он сделается их союзником.

– Когда же ты в Фивы, сын мой? – спросил его жрец.

– Сегодня, святой отец, – отвечал Адирома. – Нынче к вечеру отходит туда судно очень удобное, поместительное.

– О да, сегодня отходит в Фивы большой корабль, «Восход в Мемфисе», – заметил Пилока, – на нем и мы отправляемся.

– Тем лучше, – сказал Инини, – значит, все вместе. А ты, святой отец?

– И я тоже еду, – отвечал Имери. – У меня есть дело до верховного жреца богини Сохет.

– Это Ири? Достойный старец, – заметил Пилока, – он наш разум и свет.

IX

Лаодика, дочь Приама

Через несколько часов после этого и жрец Имери, и Адирома, а равно и Пилока с Инини были уже на пристани, на берегу Нила. Медная корабельная труба кормчего уже два раза прозвучала в воздухе, возвещая о скором отплытии корабля. Матросы густились около снастей и парусов, перекидываясь остротами и бранью. По сходням толпились пассажиры и рабы, нубийцы, финикияне, фригийцы, пафлагоняне, ахейяне и данаи, таская на корабль тюки с товаром, отправляемым в Верхний Египет, в Фивы и в попутные по Нилу города. Пронесли туда же и шкуру убитого утром около Меридова озера льва, а равно пожитки старого жреца, Пилоки и Инини. За пожитками и сами они последовали на корабль.

В это время к корабельным сходням подъехали две колесницы, с которых сошли: с одной – молодой египтянин в богатом одеянии, с золотыми обручами на голых кистях и такую же цепью на шее, с другой – старая негритянка, обитательница земли Куш, а с нею молодая, стройная девушка под прозрачным покрывалом; негритянка несла за ней опахало из страусовых и павлиньих перьев, которое держала над девушкой как щит от солнца.

– О боги! Неужели это ты, добрая Херсе! – воскликнул Адирома при виде негритянки.

– Адирома! – воскликнула в свою очередь последняя в величайшем изумлении.

Девушка под покрывалом вздрогнула от этих возгласов и остановилась.

– Кто с тобой, добрая Херсе? – спросил Адирома, глядя на девушку.

Последняя несколько приподняла покрывало с лица, и на изумленного египтянина глянуло прелестное личико с золотистыми волосами Ганимеда.

– О Горус! – с еще большим изумлением воскликнул египтянин. – Богоравная Лаодика, дочь божественной Гекубы и Приама!

Но в третий раз прозвучала медная труба кормчего, и надо было торопиться на корабль. Молодой египтянин с золотой цепью на шее повелительным жестом приказал негритянке и той миловидной девушке, которую Адирома назвал Лаодикой, дочерью Приама и Гекубы, следовать за собою на корабль. За ним рабы несли тюки и связки с пожитками.

– Кто эта белая девушка? – спросил у Адиромы Пилока, тоже спеша на корабль.

– О друг Пилока! – грустно отвечал Адирома. – Какая превратность судьбы! Это младшая дочь троянского царя Приама – да будет чтима его память вовеки! Но как юная царевна попала в Египет вместе со своей няней-рабыней – я, видят боги, не постигаю... Я помню только тот ужасный час, когда по Трое разнеслась весть, что из деревянного коня, из его утробы, неожиданно вышли данаи – Одиссей, Менелай, Неоптолем, сын Ахилла...

– Из какого деревянного коня? – спросили и жрец и Инини.

– Да, вы же ничего не знаете, – спохватился Адирома, – десять лет данаи напрасно осаждали Трою; много храбрых мужей пало с той и с другой стороны – Патрокл, Гектор, Ахилл; напоследок коварные данаи по совету хитроумного Одиссея, царя Итаки, соорудили огромного деревянного коня и в утробу его пустую, с потайной дверью, посадили несколько сот своих храбрейших витязей и, показывая вид, что совсем снимают осаду, отплыли от Трои, чтобы поблизости укрыться со своими кораблями. Тогда троянцы, видя деревянного коня, оставленного врагами, и думая, что это – жертва богам, имели неосторожность ввести это чудовище в стены города...

– Боги их ослепили, – заметил жрец, – боги их безумны, как и они сами.

– Что же было дальше? – спросил ливиец Инини.

– Так когда ввели в город этого деревянного коня, – продолжал Адирома, – то, едва настала ночь, спрятанные в утробе коня данаи тотчас вышли из своей засады, и тогда началось ужаснейшее дело: Троя запылала со всех концов; данаи нападали на обезумевших от неочи-

данности и страха троянцев, беспощадно убивали их, а сокровища их и женщин выносили за город, куда уже подоспели с кораблями и другие скрывавшиеся поблизости, их союзники. Это была страшная ночь! Пламя пожара освещало соседние горы и море; кровь в городе лилась потоками; стоны и вопли доходили до самого неба... Кто мог спастись – убегали в другие ворота, обращенные к горам... Я видел, как на моих глазах один за другим падали доблестные защитники Трои. Везде при зареве пожара сверкали медные шлемы, копья и щиты сражавшихся. Я видел, как погибли все шестьдесят сынов Приама и все мужья его дочерей-царевен.

Корабль между тем отчалил от берега. Северный ветерок надувал парус, и «Восход в Мемфисе» тихо шел вверх, словно гигантская птица, рассекая грудью мутные воды Нила. Высившиеся вправо на горизонте пирамиды, казалось, медленно двигались на север.

– А это его же дочь? – спросил Пилока, указывая на Лаодику. – Царевна?

Лаодика сидела на палубном возвышении у ног молодого египтянина с золотой цепью на шее. Над ними рабы держали опахала в виде зонтиков, для защиты от солнца. Негритянка Херсе заботливо навевала прохладу своим опахалом на юную царевну.

– Царевна эта – младшая дочь Приама и Гекубы, – отвечал Адиром.

– А что случилось со стариком Приамом? – спросил жрец.

– Не ведаю, святой отец, – отвечал Адиром, – я видел только, как увлекали в плен двух его дочерей, Кассандру-прорицательницу...

– Прорицательницу? – перебил его Имери.

– Да, святой отец: она имела дар пифии – она предрекала гибель Трои из-за Елены.

– А кто была эта Елена? – спросили Пилока и Инины.

– Елена была женой могущественного царя Менелая, красавицей; но ее пленил один из сыновей Приама – Парис, и она убежала с ним от мужа в Трою. Так вот из-за нее-то и возгорелась война между данаями и троянцами.

– О, красота женская! – вздохнул старый жрец. – Сколько в ней есть пагубного!

– Что ж, отец святой, – возразил Пилока, – красота – создание богов; вечные боги знали, для чего сотворили красоту: без красоты род человеческий бы прекратился, и некому было бы молиться и приносить жертвы богам... Красота – великий дар земли бога Амона-Ра и богини Сохет.

Жрец грустно покачал головой: он вспомнил, что и в его жизни красота женщины играла роковую роль...

– Так Елену отняли у троянцев? – спросил Инины.

– Отняли; я видел, как ее уносили из пылавшей Трои вместе с царевной Лаодикой.

– Вот этой самой?

– Да.

– Боги! Как она прекрасна! – тихо проговорил Пилока. – Но как она попала сюда и кто этот молодой богатый египтянин? Вероятно, он купил ее где-нибудь.

– Не знаю, – отвечал Адиром.

– А кто эта старая негритянка, с которой ты говорил и которая, по-видимому, знает тебя? – спросил снова Пилока. – Она назвала тебя по имени.

– Это рабыня царя Приама и воспитательница Лаодики: она ходила за маленькой царевной с колыбели. Херсе – так зовут негритянку – наша, египтянка, из племени Куш, и была взята в плен финикийцами лет тридцать тому назад и продана в Трою. Там она взята была ко двору царя Приама, где и я с нею познакомился, будучи рабом в этом же царском доме. Херсе научила говорить по-египетски и свою питомицу-царевну, а теперь это очень пригодится царевне, раз она попала в Египет, – сказал Адиром.

Молодой богатый египтянин, со своей стороны, по-видимому, расспрашивал черную рабыню, кто этот Адиром, который заговорил с нею, потому что и египтянин и Херсе часто поглядывали на него и на его собеседников.

Наконец молодой египтянин встал и направился в сторону последних. Подойдя к ним, он сказал всем привычное обиходное приветствие и обратился к Адирому.

– Боги да даруют тебе здоровье и счастье, благородный Адиром! – сказал он. – Моя рабыня говорит, что она была в чужих странах вместе с тобою и что ты взят был в плен при Просописе в морской битве.

– Она сказала правду, – отвечал Адиром.

– А на каком корабле ты сражался? – снова спросил египтянин.

– На корабле «Ибис», – был ответ.

– О боги! – воскликнул молодой египтянин. – Значит, ты знал моего отца.

– А кто твой отец? – спросил Адиром.

– Он был начальником корабля «Ибис» в морской битве при Просописе: имя моего отца Аамес.

– Я знал благородного Аамеса, – сказал Адиром, – он был моим начальником.

– Но «Ибис» был потоплен финикиянами?

– Да, это было ужасное наказание, посланное нам немилосердным богом Сетом, грозным сыном Озириса.

– И мой отец погиб тогда, утонул?

– Не знаю, мой молодой друг, – отвечал Адиром.

– Но как же ты спасся? – спрашивал молодой египтянин.

– Великий Озирис сжалился надо мною: меня выбросила морская пучина, и я взят был пленником на финикийский корабль, – отвечал Адиром.

– Но, быть может, великий Озирис помиловал и моего отца? Быть может, что и он взят был в плен? – продолжал спрашивать молодой египтянин.

– Не знаю, сын благородного Аамеса, – отвечал Адиром, – я его потом нигде не видел. Сын Аамеса постоял, подумал и хотел было уйти, но остановился.

– Так ты, благородный Адиром, знавал и мою молодую рабыню? – спросил он.

– Да, знал, – был ответ.

– И действительно она дочь троянского царя Приама?

– Да, она царица из несчастной Трои. А как она тебе досталась?

– Я купил ее на рынке в Цоан-Танисе вместе со старой негротянкой: она мне понравилась своей красотой – таких белых кошечек у нас в Египте нет... Любопытно иметь наложницей такую беленькую кошечку, – цинично сказал сын Аамеса, скаля свои белые зубы.

Глаза Адиромы сверкнули гневом, но он сдержал себя.

– Юная царица достойна лучшей участи, – сказал он. – Боги велят нам уважать несчастье.

– Какое же это несчастье – разделять ложе с сыном славного Аамеса? – высокомерно возразил молодой египтянин.

– Но прелестное дитя могло бы быть и женой, – заметил как бы про себя жрец, все время молчавший. – Женой царя.

– Да, святой отец; но кувшин без воды, как бы ни был хорош, все же пустой кувшин, – возразил сын Аамеса, – а жена без приданого – тот же пустой кувшин.

Жрец пожал плечами. Молодой египтянин хотел было уйти, но опять остановился в нерешительности.

– Я не знаю, как же быть с гробом отца? – сказал он, глядя на Адирому.

– А что? – спросил тот неохотно.

– Да вот в чем дело: отправляясь в поход из Цоан-Таниса, отец мой заказал там для себя, по обычаю предков, гроб и продиктовал сам мастеру искусства изображений знаков Амона то, что именно он должен был вырезать на гробе. Его воля была исполнена; но он с похода не воротился – быть может, утонул или взят в плен. Теперь, согласно договору отца с мастером,

я должен был взять гроб, – он давно был готов – и вот везу его с собой в нашу родовую усыпальницу, в город Нухеб. Как же мне быть с этим гробом, если отец не воротится из плена, чтобы низойти в подземный мир в нашей усыпальнице, или если его тело не будет отыскано? – вопросительно обратился молодой египтянин к жрецу.

– А где этот гроб? – спросил Имери.

– Вон там, стоит под пологом.

Жрец, а за ним и другие пошли к кормовой части корабля, где они увидели богатый гранитный саркофаг, весь исписанный красивыми иероглифами.

– А прочитайте, какие подвиги совершил мой отец, – хвастливо проговорил молодой египтянин.

Жрец стал читать вслух:

– «Умерший начальник корабельного экипажа Аамес, сын Абана, говорит так.

Я говорю к вам, всему народу, и объявляю о почетной награде, мною полученной.

Я восемь раз был одарен золотым даянием перед лицом всей страны, и рабами, и рабынями в великом множестве.

Я владел многими полями земли. Наименование “храбрый”, которое я заслужил, никогда не забудется в этой земле.

Я провел свою молодость в городе Нухебе. Отец мой был военачальником покойного царя Рамзеса II Миамуна.

И сделан я был начальником на его место на корабле “Телец” во время господина земли Минепты II Хотепхимы.

Я был еще молод и не женат и опоясан одеждой молодежи... Но после того как я приготовил тебе жилище, я был взят на корабль “Север”, поэтому я был силен.

Должность моя была сопровождать великого господина – жизнь и счастье и здоровье да будут его уделом – пешком, когда он ездил на колеснице.

Обложили город Аварис. Служба моя была пребывать пешком перед его святейшеством.

Тогда я был переведен на корабль “Восход в Мемфисе“...»

– Этот самый, на котором мы плывем, – пояснил молодой египтянин.

Жрец продолжал читать:

– «Сражались на воде, на озере Пацетку, близ Авариса. Я сражался врукопашную и взял одну руку. Это было сказано докладчику царя. Мне дали золотой дар за храбрость.

Потом возгорелся на этом месте новый бой, и я снова сражался врукопашную и взял одну руку. Мне во второй раз дали золотой дар.

Сражались при местности Такем на юг от города Авариса. Здесь я взял живого пленного, взрослого человека. Я влез в воду, и, ведя его, чтобы остаться в стороне от пути, ведущего к городу, шел я водою, держа его крепко. Обо мне сказали докладчику царя. Тут я получил еще раз золотой дар.

Взяли Аварис. Я взял там пленных – взрослого человека и трех женщин, всего четыре головы. Его святейшество отдал мне их в собственность как рабов.

Обложили город Шерохан. Его святейшество взял его. Там я взял добычу – двух женщин и одну руку. Мне дали золотой дар за храбрость. К тому отданы были мне пленницы как рабыни.

После того как его святейшество искрошил сирийцев земли Азии, поехал он вверх по Нилу в Хонт-Хон-Нофер, чтобы разбросать горных жителей Нубии. Его святейшество весьма много поразил между ними. И я там взял добычу: двух женщин, двоих живых взрослых людей и три руки. И мне снова дали золотой дар, к тому дали мне двух рабынь.

И его святейшество поехал вниз по реке. Сердце его было радостно по храбрым и победоносным делам. Он взял во владение земли юга и севера.

Тогда пришел враг с юга и приблизился. Его преимущество заключалось во многочисленности его народа. Божества юга были против его силы. И его святейшество нашел его при воде Тент-та-тот. Его святейшество увел его в плен живым. Все люди царя возвратились с добычей. Я увел двоих молодых людей, отрезав им отступление от корабля. Мне дали пять голов кроме удела в пять мер пахотной земли, которые дали мне в моем городе. То же самое дали и экипажу корабля.

Тогда пришел тот же враг – имя ему Тетаан. Он собрал около себя шайку злых людей. Его святейшество уничтожил его и слуг его, так что не стало их. Тогда были мне даны трое людей и пять мер пахотной земли в моем городе.

Я вез водою покойного царя Сети II Минепту, когда он ехал вверх по реке против Куша, чтобы расширить границы Египта. Он поразил нубийца в среде его воинов. Загнанные в теснину, не могли они бежать. В замешательстве стояли они, как будто они были ничто. Я тогда стоял впереди наших воинов и сражался как следовало. Его святейшество удивлялся моей храбрости. Я взял две руки и принес их к его святейшеству. Разыскивали жителей нубийца и его стада. Я привел живого пленника и привел его к его святейшеству.

Я привез его святейшество в два дня в Египет от верхнего колодца Хнум-хирт. Тогда подарили мне золотой дар. Тогда я привез двух рабынь кроме тех, которых я тогда привел перед его святейшеством. И я был возвышен на степень витязя царя.

Я вез покойного царя Сетнахта-Мерер-Миамуна, когда он ехал водою в Хонт-Хон-Нофер, чтобы подавить распрю между жителями и чтобы отразить нападение со стороны суши. И я был храбр перед ним на водах. При нападении на корабли было нам плохо вследствие перемены ветра. Я был возвышен на степень начальника корабельных экипажей.

Снова встали презренные жители страны Куш. Тогда возгорелся гневом его святейшество, как пантера, и он бросил свою первую стрелу, которая осталась в теле неприятеля, который упал без чувств перед его царским венцом. И тогда произошло великое поражение неприятеля, и увели весь народ в плен живыми.

И поехал вниз его святейшество. Все народы были в его власти. И этот презренный царь нубийских народов был привязан к носу корабля его святейшества и выложен на землю, в городе Фивах.

После того отправился его святейшество в страну Рутенну, чтобы охладить жар своего мужества на жителях страны той. И достиг его святейшество земли Нахараина. Его святейшество – да будет жизнь, счастье и здоровье его уделом – нашел этих неприятелей. Он назначил порядок битвы. Его святейшество нанес великое поражение им.

Бесчисленно было множество живых пленников, которых его величество увел победами своими. И вот я был впереди наших воинов. Его святейшество удивлялся моей храбрости. Я взял и увел военную колесницу с конями и того, который на ней находился, живым пленным и представил их его святейшеству. Тогда я был одарен золотом».

– Здесь он велел оставить место для будущих дел своих и подвигов, – заметил молодой египтянин.

– Да, – иронически вставил слово Инины, – здесь придется вырезать: «При Просописе я погиб вместе со своим кораблем».

Но сын храброго Аамеса не понял иронии.

– А вот и конец подписи, – показал он внизу гробовой доски.

– «Я сделался высокоуважаемым, – прочел жрец, – и достиг старости. Со мной будет то, что есть удел всех людей на земле. Я снизойду в подземный мир и буду положен во гробе, который я сам для себя велел сделать»²⁶.

²⁶ Эта замечательная эпитафия – не измышление автора. Ее до сих пор можно видеть в Верхнем Египте, в Эль-Кибе, в гробничном покое Аамеса. Это целый некролог, и некролог хвастливый, от своего лица. А разве «Я памятник себе воздвиг

Жрец кончил и задумался.

– Кого же ты положишь в этот богатый гроб, если твой отец съеден акулами «Великой зеленой воды»? – спросил он сына Аамеса.

– Не знаю, святой отец, – отвечал молодой египтянин.

– Надо будет положить его изображение, исполнив над ним все похоронные обряды бога Озириса, – сказал жрец.

X

Воспоминание о Трое

Юная Лаодика между тем с глубокой тоской смотрела, как корабль все более и более удалялся от тех мест, которые, казалось ей, омываемы были ее родным морем. Эти мутные воды реки, так не похожей на родной Ксанф или Скамандр, эти пугающие гиганты пирамиды, высившиеся к незнакомому небу, эти молчаливые звери-люди, сфинксы, эти храмы чудовищные, не похожие на ее родные храмы – храмы ее богов, отвернувших от нее лицо свое, эти выжженные солнцем горы с мрачными в них пещерами-гробницами, хранилищем старинных мумий, эти гигантские пальмы, так не похожие на милые лавры и мирты ее родины, – все это еще больше заставляло ее мысль и ее изболевшееся сердце тянуться к милому северу, к грустным теперь, опустошенным берегам бедной Трои, к ее задумчивым рощам, к озаряемой родным солнцем, а теперь затуманившейся облаками Иде, к священному Илиону.

Милое, золотое, невозвратное детство, когда она с братьями и сестрами и с этим обломком ее прошлого, с доброй черной няней Херсе бегала по берегу родного моря! Никого из них не осталось. Нет и Кассандры, которую она видела последний раз в эту ужасную ночь, – жива ли она? Может быть, подобно ей, томится в неволе, в чужой стороне. И никого-то не пришлось ей оплакать, как оплакала она когда-то доброго Гектора, который ее, маленькую Лаодику, часто носил на руках или пугал ее, надев свой страшный, косматый и блестящий шлем, как в последний день своей жизни он испугал этим шлемом своего маленького Астианакса. Никого не осталось!

А милый родной дом – дворец ее отца? Что с ним: остался ли он цел или сгорел в эту ужасную ночь вместе с остальной Троей?

Лаодика глянула туда, где сидел Адиром со своими спутниками и где был ее господин – господин Лаодики, любимой дочери царя Приама, а теперь рабыни!

При виде Адирома на нее повеяло чем-то родным, милым. Ведь столько лет она видела его в своем дворе, в числе рабов своего отца. Когда она была много меньше, Адиром часто делал ей игрушки – лепил из глины сфинксов и бога Аписа или пел египетские песни. Как он спасся из Трои, когда все там погибло? Как он попал в Египет? Может быть, он знает что-нибудь о судьбе ее отца, матери, братьев и сестер?

– Надо бы поговорить с Адиромой, няня, – сказала Лаодика своей черной Херсе, – он такими добрыми глазами посмотрел на меня.

– Да, милая царевна, я постараюсь поговорить с ним, – отвечала старая рабыня.

– Поговори, он добрый.

– Да, он, может быть, знает что-нибудь о Трое.

– О всемогущие боги! – тихо вздохнула девушка. – За что вы послали на нас гнев свой? Разве мы мало приносили вам жертв? Разве не часто бедный, милый отец мой возжигал вам костры с целыми гекатомбами? А не я ли сплетала вам венки из лавров и миртов? Не я ли курила перед вами благовониями Востока? О безжалостные боги!

Слезы тихо струились по щекам обездоленной жертвы неумолимого рока.

– Не плачь, дорогая, светлая царевна, не тумань своих ясных глазок: боги милостивы, они воротят тебе и родину, и родной кров, – утешала ее старая негритянка. – Вот я давно уж и забывать стала свою горную страну, свою жаркую Нубию и этот Египет, куда я была вывезена еще девочкой, а вот боги, хоть я уж и не просила их, а опять привели меня в страну солнца, к пирамидам, к моему великому богу Горусу.

– Нет, добрая няня, сердце мне говорит, что не видать уж мне больше священного Илиона, – грустно говорила Лаодика. – Как перелететь через эти безбрежные моря?

– Не говори этого, милая царевна: наши боги всемогущи, и если ты будешь молиться матери богов, великой Сохет, то она обратит тебя в ласточку, и тогда ты перелетишь через все моря, сядешь на кровлю родного дома и защебечешь: все тебя сейчас же узнают.

– Э, няня! Это сказки для малых детей. Для меня уж нет возврата: я так и умру здесь рабыней.

Рабство – удел женщины древнего мира, раз она взята в плен победителем или пиратом и потом продана на рынке, как товар! И вот прелестная Лаодика, царевна священного Илиона, Лаодика, которую впоследствии Гомер воспекает в своих наивных рапсодиях, эта Лаодика, по словам творца «Энеиды» и «Одиссеи», «миловиднейшая дочь Гекубы», теперь рабыня, невольница сластолюбивого египтянина.

– Ну а если боги не превратят тебя в ласточку, то все же ты не будешь рабыней: наш теперешний господин, Абана, сын Аамеса, сделает тебя своей женой; а Абана из знатного египетского рода, – утешала ее Херсе.

– Я не хочу быть и женой его, – проговорила Лаодика.

– Отчего же, милая царевна? Он такой красивый, молодой, богатый.

Лаодика отрицательно покачала головой: она охотнее желала бы быть женой троянского пастуха, чем египетского сановника. Абана казался ей таким грубым и, несмотря на свою молодость и знатность, физически противным.

– Нет, няня, если уж боги не судили мне вновь увидеть священный Илион, то уж я лучше желала бы скорее сойти в область Аида: там я увижу милого Гектора, моих добрых братьев Полидора, Ликаона... Их милые тени скитаются теперь, быть может, по берегам Леты или Стикса и Флегетона... О няня! Для меня роднее и любезнее Лета или Ахерон, чем этот чужой Нил; я бы охотнее помогала Сизифу катить на гору его заколдованный камень, чем быть царицей Египта.

Херсе не могла без сердечной боли слышать эти слова своей питомицы и госпожи. Старая рабыня за все время, что нянчила Лаодику, с самой колыбели, страстно привязалась к этому милому, нежному ребенку. Сама одинокая, никогда не имевшая детей, ни родины, она сосредоточила в Лаодике весь свой мир, всю страстную и пламенную любовь негритянки. Так, вероятно, только львицы ее родины и пантеры любят своих детенышей: она действительно превращалась в разъяренную львицу, когда, бывало, ей казалось, что кто-либо обидел ее маленькую царевну. В такие моменты Гектор называл ее Медузой, у которой волосы превращались в змеи, и выражал шутливое сожаление, что нет более Персея, который бы отрубил голову этой Медузе. В последнюю ужасную ночь, когда при свете зарева пожара она увидела, что сын Агамемнона, Орест, схватил Лаодику, чтобы нести к себе на корабль, Херсе змеей обвилась вокруг ног Ореста и до тех пор не выпускала его из своих цепких клещей, пока он не обещал, что возьмет ее вместе со своей юной пленницей, Лаодикой.

Теперь, поставленная злым роком на одну доску со своей царевной, будучи такой же вещью молодого египтянина, как и Лаодика, она продолжала считать себя рабыней исключительно этой последней. Для нее она готова была бы с радостью опять покинуть Египет. Что ей Египет! Она его забыла, она привыкла к той жизни, в далеком Илионе. А с Лаодикой она хоть на край света пошла бы охотно.

А Лаодика, глядя на эти мелькающие по берегу Нила храмы и дворцы неведомых городов, вспоминала, как когда-то слепой певец, Креон, воспевал их дом в Трое, их милые «палаты, обиталище счастья»:

Все лучезарно как в небе в палатах царя Илиона,
Старца Приама, богов олимпийских любимого сына:
Солнце и месяц и звезды в палатах его обитают.
Солнце – то сам он, Приам богоравный, а ясный там месяц,

Ночь превращающий в день, —
то Гекуба, богиня средь смертных;
Яркие звезды – сыны их и милые дщери и внуки.
Рай в тех палатах: там медные стены идут от порога,
Сверху ж увенчаны светлым карнизом лазоревой стали:
Входные двери из чистого золота ходят на петлях
Медных – Гефест их ковал в своей кузнице
молотом тяжким;
Аргусы – псы из чистейшего золота денно и ночью
Дверь охраняют; внутри же там – лавки богатой работы,
Крытые тканями яркого пурпура...

Вспоминала Лаодика и сад свой, где она так любила играть со своими братьями и сестрами и с этой преданной Херсе, – «сад, обведенный высокой оградой». Росло там, в этом родном саду, «много деревьев плодоносных – яблонь, и груш, и гранат, отягченных золотыми плодами». Все было в этом дивном саду: «сладкие смоквы, маслины круглый год и в знойное лето, и в зиму холодную зрели на ветках...»

В это время к ним подошли Абана и Адирома.

– Да хранят тебя вечные боги, богоравная дочь Приама! – сказал почтительно Адирома.

Он заговорил на родном языке Лаодики, и грустное лицо девочки прояснилось. Уже одно присутствие здесь, в чужой стране, этого человека, которого она с детства видела около себя в родном доме, теплом повеяло на ее душу.

– Боги да наградят тебя за твою доброту, Адирома, – сказала с чувством Лаодика. – Расскажи нам, как ты попал сюда и что ты знаешь о последующей судьбе всех близких мне и об участи, постигшей священный Илион?

– О богоравная дочь Приама и Гекубы, – с грустью отвечал Адирома, – не отрадны будут для тебя мои вести. Вот все, что я знаю: когда тебя и провещательницу Кассандру силой увлекли злодеи-данаи и когда уже нельзя было сомневаться, что пылающая Троя стала добычей ее врагов, мы все, кто еще остался жив, решились спастись бегством и вышли из города северными воротами, которые не были заняты врагами. Оттуда дорога шла в горы, по направлению к Дарданосу. С ближайших высот мы увидели, что Троя вся объята пламенем; пылал и ваш прекрасный дворец, некогда подобный Элизию – жилищу богов. Кто погиб от меча врагов и от всепоглощающего пламени, мы не могли знать; мы знали только немногих спасшихся, между которыми был и Эней, сын Анхиза, доблестный вождь храбрых из Дарданоса...

– Эней! – тихо сказала Лаодика, и не то вздох, не то стон вырвался из ее груди.

– Да, Эней, богоравная дочь Приама, – продолжал Адирома, – он на плечах своих вынес из пылающего города престарелого отца, Анхиза, а старая, немощная Креуза несла за ними своих пенатов.

– Кто же еще спасся с вами? – спросила Лаодика.

– Вместе с Энеем спаслись еще Палинур, Энтелл.

– А из моих братьев никого с вами не было?

– Никого, богоравная Лаодика. Может быть, они вышли другими воротами.

– Бедные, бедные! – прошептала Лаодика. – А что Эней?

– Эней, увидев, что для города нет уже спасения, собрал нас всех и повел прямой дорогой в свой родной город Дарданос. Там мы наскоро снарядили корабли и морем бежали от злосчастных берегов священного Илиона... Мы издали видели, как он дымился, догорая.

Лаодика плакала: она оплакивала гибель своего родного города и всего, что ей было дорого.

– А Эней? Что с ним случилось? – спросила она, стараясь подавить рыдания. К Энею юная Лаодика питала нежное чувство: она давно его любила пламенно; он первый разбудил в ней, почти ребенке, спавшую женщину, и она полюбила его со всею беззаветностью первой пробудившейся страсти. Но об этом чувстве никто не догадывался: ласки, которыми она одаривала Энея в своем саду, в ночь перед его единоборством с Патроком, видели с темного неба только молчаливые звезды.

– Эней, – отвечал на ее вопрос Адиром, – долго скитался со своими кораблями по бурному морю, преследуемый жестоким Посейдоном, пока нас не прибило к берегам Африки.

– Сюда, в Египет? – встрепелась Лаодика. – Так Эней здесь?

Казалось, что мгновенно мрачная пелена спала с ее глаз, и это чужое небо, показалось, глянуло на нее приветливо, любовно; Нил не казался таким мутным; высокие пальмы стали красивее; гранитные, задумчивые сфинксы – не такими строгими.

– Да, богоравная Лаодика, почти в Египет, только туда, западнее, ближе к Атланту, где этот гигант держит на своих плечах свод небесный, – отвечал Адиром. – Мы пристали к городу Карфаго, где царицей была прекрасная Дидона.

– Дидона? – неожиданно вмешалась в разговор Херсе, которая до сих пор все молчала. – Она, должно быть, внучка нашего бывшего ливийского царя Дидо, которого разбил фараон Минепта Второй. А каких она лет, добрый Адиром?

– Лет около двадцати – девятнадцати.

– Так это она: я видела ее мать еще совсем ребенком, она опоясывалась тогда еще поясом младенчества. О боги! Как быстро обращает великий Озирис колесо времени! И у нее уже дочь, царица, – говорила старая Херсе, качая поседевшей головой.

– Где же теперь Эней? – со сдержанным нетерпением спросила Лаодика.

– Не знаю, богоравная дочь Приама, – отвечал Адиром.

– Что же Дидона? – снова спросила Лаодика. – Она приняла вас?

– Не только приняла, но она отдала Энею и себя, и свое царство.

Заметная бледность разлилась по миловидному личику дочери Приама.

– Себя отдала Энею? – спросила она чуть слышно.

– Да, и все царство.

– И он взял ее? – Адиром только по движению побледневших губ Лаодики мог прочесть ее беззвучный вопрос.

– Нет, не взял. Он следовал велениям богов: они повелели ему отплыть в землю италов, к самому краю земли.

– И он отплыл?

– Отплыл, царевна.

– А Дидона? – Голос Лаодики срывался.

– Дидона сожгла себя на костре.

– Как? Что? – Лаодика привстала, вся дрожа.

– Дидона полюбила Энея и не могла перенести разлуки с ним.

Краска медленно возвращалась на бледные щеки Лаодики.

Вечерело. На землю, на Нил, на горы спускались тени ночи. В вечернем воздухе прозвучал медный голос трубы кормчего, и «Восход в Мемфисе» стал поворачивать к берегу, на ночлег.

XI

Похищение Лаодики

«Дидона полюбила Энея и не могла перенести разлуки с ним». Эти слова неотступно теперь преследовали Лаодику. А она, Лаодика, разве не любила его, не любит? Он вытеснил из ее сердца все – родину, отца, мать, братьев, сестер. Для него забыты боги, храмы их, алтари, жертвенники... Она помнила только одно божество – Афродиту. Ее покровительства она просила, когда накануне единоборства Энея с Патроклом шла ночью в сад на свидание с сыном Анхиза. И Афродита послала ей свою милость. Разве теперь Лаодика может забыть, что было тогда, в эту божественную ночь, когда только безмолвные звезды могли видеть с темного неба их ласки, их объятия, ее счастливые слезы?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.